

Т.В. Спасский

ТУАДЕН:

СБОРНИК ДОСЬЕ I

18+

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Тамерлан Спасский

ТУАДЕН: сборник Досье I

«Автор»

2026

Спасский Т. В.

ТУАДЕН: сборник Досье I / Т. В. Спасский — «Автор», 2026

Туаден — город, зажатый в горном кольце и вражеской блокаде, где каждый день может стать последним. Здесь зима не знает пощады, а война уже шесть лет стирает всё человеческое. Но даже среди снега и свинца находятся те, кто продолжает верить, ждать и бороться. Шесть историй о тех, кто держит оборону - не только от врага, но и от отчаяния. Это не книга о войне, эта книга о блокаде и тех, кто остаётся людьми, когда родной город уже перестал быть человеку домом.

© Спасский Т. В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ДОСЬЕ 1 — СОЛДАТ	5
ДОСЬЕ 2 — МИЛИЦИОНЕР	13
ДОСЬЕ 3 — ХИРУРГ	18
ДОСЬЕ 4 — ФЛЮГЕР	25
ДОСЬЕ 5 — УЧИТЕЛЬ	32
ДОСЬЕ 6 — ОРУЖЕЙНИК	37
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Тамерлан Спасский

ТУАДЕН: сборник Досье I

ДОСЬЕ 1 — СОЛДАТ

Был ветреный зимний вечер, почти ночь — двадцать второе декабря. Тонкий месяц и его звёзды-спутницы прятались за плотными снежными тучами, что сыпали хлопьями на границу Туадена — там, где кончались дома и начиналась немая, холодная война на удержание, где равнины уступали место горам. Окопы, траншеи, километры колючей проволоки, минные поля и растяжки от скалы до скалы. Солдаты днями, месяцами, годами держат оборону и пытаются продвигаться дальше, пересечь туаденский горный хребет, выбраться наружу, прорвать блокаду. Они немо несут свой пост, не давая противнику ни идти вперёд, ни отступить.

В одном из полевых окопов засел взвод под командованием прапорщика Николая П. Ж. с позывным «Винодел». Мужчина лет пятидесяти пяти, давно служит, прошёл не один бой с начала войны, отдаёт всего себя военному делу с самого совершеннолетия и до нынешнего года.

Поправляя лямки рюкзака, вояка хватается за уже родной автомат Калашникова, прошедший многое вместе с хозяином. Ледяной хваткой металл цепляется за огрубевшую от мозолей кожу, жжёт пальцы. Николай накидывает ремень оружия на плечо, натягивает перчатки, хлопает в ладоши, дабы разогнать кровь в кистях, пригнать тепло к еле гнувшимся пальцам. Без мобильности рук мало что можно сделать, особенно в попытках боя, отчего приходится постоянно разминать их, дабы не умереть первым же делом, оттого, что, не смог нажать на курок.

Взгляд поднимается с рук на присутствующих. Каждый занимался чем-то своим: кто-то чистил оружие, как Шут, кто-то устроился у стенки окопа, покуривая самокрутку, как Якорь, ну а кто-то активно складывал всё необходимое в свои рюкзаки и подсумки, как Анна.

— Итак, разведотряд, ко мне!

Трое назначенных бойцов подняли головы на командира, повставали с мест, похватали рюкзаки и вещмешки, подошли к начальнику.

— Ну, погода не лётная, конечно, можно было бы и другое время выбрать, но нам и не в Америку первым рейсом. Повторяю: мы только на разведку, ничего более, — он махнул рукой на северную часть кряжа: высокие лысоголовые горы-великаны возвышались над ничтожным городом и людьми внизу, будто не замечая их. — Не геройствовать, медали, дай бог, потом заработаете. Ведём себя тихо, не шумим. Если видим противника — в первую очередь пытаемся обойти или скрыться. Там их территория, они за шесть лет освоились явно не хуже нас, понаставили своих ловушек, патрулей и всей подобной хрени. Стрелять только в случае раскрытия. Лишняя шумиха нам не нужна, нас всего четверо против всех них, и дай бог там будет мелкий отряд из пары человек. Все всё поняли?

— Так точно, товарищ прапорщик, — ответил лысый солдат в белой каске с позывным Якорь: явно не менее боевой, чем Винодел. Он сильнее сжал оружие, хрустнул шеей, поправил

флягу с алкоголем на поясе. Командир не был фанатом его увлечения, но пока оно не мешает службе — не жаловался.

— Не беспокойся, Колян, всё будет сделано по красоте, — активно жестикулируя, позволил себе нарушение субординации Шут, — Алексей Кизляков с козлиной бородкой, местный шутник и ещё довоенный друг Николая, один из немногих, что у него были.

Промолчала немногословная каштановолосая медсестра Аня Клим, добровольно вызвавшаяся помочь, чтобы в случае чего залатать бойцов прямо на поле боя. Её тонкие длинные пальцы умели зашивать даже самые страшные раны, а обширные знания позволяли быстро оценивать ситуацию и принимать верные решения.

— Ну, тогда за дело! — проговорил Винодел, вскидывая автомат.

— За дело! — остальные повторили жест.

Отряд выбирается из окопа, оглядывается, высматривает опасность. Ветер свистит в ушах, снег крупными комьями валит с неба, будто желая задержать сынов блокады, говоря: «нельзя вам туда, головы положите». Но они не обращали внимания — приказ есть приказ.

В такую погоду надо быть предельно внимательным: высматривать колючку из-под снега, обходить минные поля десятой дорогой, не попадаться в ловушки, перешагивать торчащие из-под земли корни и камни, дабы не свалиться со скал. Шут достаёт из кармана карту этой части границы с отметками.

— Товарищ прапорщик, вперёд по склону двести метров относительно безопасно, только проволока, а дальше широкий разброс мин. Можно, конечно, по деревьям попрыгать, как белки, но я бы не советовал. Там влево скала есть, на ней и кончаются, можно обогнуть.

— Понял тебя, — Николай учтиво кивнул головой, — тогда обойдём. Скажешь, как будем подходить.

— Сиюминутно, начальник.

Ноги разрезают снег, идут по безопасной тропе, обходя колючую проволоку, что так и норовит вцепиться в ноги, штанины, обувь, затянуть к себе, задушить, заколоть. Ветер постепенно усиливается, пытается обглодать тела разведчиков. Те, не сбавляя хода, молча продвигаются по лабиринту ловушек среди редких, постепенно густеющих деревьев. Подходят к началу склона, ступают в лес, будто переносясь в иной мир. Звуки вокруг почти стихают — лишь шум ветра сзади, там, где он не бьётся о стволы, разбиваясь на мелкие потоки. Здесь, в лесу, все звуки становились тише вдвойне, а то и втройне, сбиваясь о ели и сосны, доносясь до стреляного уха тихим шёпотом.

— Лёш, сколько там ещё? — спрашивает Якорь, делая глоток из фляги, запрокидывая голову назад.

— Э, ты чего там пьёшь?! А потом по врагу попасть не можешь! — не отвечая на вопрос, упрекнул алкоголика Шут, но всё-таки перевёл взгляд на карту. — Да вон, буквально пятьдесят метров.

— Тогда идём на обход, — заключил командир.

— А сколько там идти? — внезапно подала голос Аня.

— А-э... — мужчина поднёс карту почти вплотную. — Чёрт, не видно нифига. Семьдесят, где-то так. Ну как скалу увидим, так надо поворачивать.

— Отлично, не так много, — прохрипел Якорь, убирая флягу.

— Хватит лясы точить, а то до утра проболтаем. — Николай двинул в левую сторону, в обход. — Ветер усиливается, даже здесь скоро станет ощутимо. Если не успеем — придётся искать укрытие, или рыть самим.

— Привал? Отдых? О-о, это мы любим, — улыбался во все зубы Шут, шагая за лидером.

— Помалкивай, а то первым заставлю окоп копать, дурень!

— Всё-всё, молчу, — он театрально выставил руки вперёд, остужая пыл друга.

Семьдесят метров — не много, но когда в спину бьёт снежная буря, а под ногами сугробы по колено, путь растягивается на десятки минут, а то и часы. Отряд шёл около получаса, пока не достиг конца поля. Высокая чёрная глыба, этажа два с половиной точно, маяком торчала из пологого склона. Даже снежная маскировка не спасала её от заметности, даже наоборот, делала заметнее. Свернув направо, они продолжили путь по уже густому лесу, который, впрочем, от выюги не спасал. Ветер совсем разыгрался.

— Винодел, если так продолжится, мы не дойдём. Может, переждём где-нибудь? — предложил Якорь.

— Ладно, тут с тобой согласен, — оборачивается на навигатора. — Где ближайшее укрытие?

— Тут, э-э, недалеко есть окоп, — вглядывался в карту Алексей. — То ли наш, то ли врага, но давно не использовался: информация с последней разведки. Чёрт, темно — глаз вырви, ничего не видно.

— Тогда идём к нему. Но осторожно: неизвестно, пользуются ли им сейчас и есть ли он вообще. Быть может, его засыпали давно.

Ускорив шаг, они приближались к убежищу.

— Мы уже почти на ме-е-е... — прокричал Алексей, падая вниз.

Прокувыркнувшись пару раз, матерясь на округу, Шут оказался на дне глубокого траншейного хода — того самого, который искали.

— Ты там как, живой? — нагнувшись, спросил Якорь.

— Да... чёрт, ногу подвернул! Или вывихнул! Сука, болит! Пальцев не чувствую!

— Это тебе за шуточки, ха-ха! — Якорь вновь сделал немалый глоток.

— Иди ты, алкаш! Не смешно! — попытался сесть, но застонал от ноющей боли.

— Дайте спуститься, — расталкивая соратников, Анна спустила ноги в окоп, прыгнула и соскользнула по рыхлой земле к Кизлякову.

— Да нормально, Аня, не стоит...

— Не выделяйся! Дай сапог сниму! — она крепко, но аккуратно схватилась за голенище, расшнуровала, потянула ползунок боковой молнии вниз и стянула ботинок. Ступня была вывихнута, стояла неестественно.

— Да норма-а-а-й! — крикнул тот от резкой боли, когда Аня жёстко, но аккуратно схватилась за ногу и с таким же резким рывком вставила на место.

— Вот и нечего было выёживаться, — приговаривала Клим, перетягивая голень для фиксации. — Теперь всё нормально, теперь всё хорошо.

Следом за медиком спустился командир, а за ним — второй штурмовик, покачиваясь от перенесённого веса в правую сторону. Винодел осмотрел окоп: прошёл взад-вперёд, держа оружие наготове. Посреди окопа была небольшая землянка: крыша была выполнена из не тонких жердей, досок, веток, засыпана сверху землёй, а снег сделал остальное. Подошёл к висящей на входе тряпке-двери, прислушался. Тихо. Отодвинул её и резко направил автомат внутрь — никого. Пусто. На старом столе копилась пыль, стояла недоигранная партия в шашки. На земляной стене висела промокшая от сырости и снегов карта, у стен — что-то вроде соломенных лежанок, две, если быть точным. В стене дымоход для костра и брёвна рядом. Кто-то заготовил заранее, но, похоже, так и не вернулся, а возможно, ещё вернётся.

В обычную погоду дым заметят, но в такую метель он просто теряется на фоне общего хаоса природы.

Он вышел с другой стороны убежища и двинулся дальше. Траншея заворачивала за угол, где кончалась разбитыми временем, дождём и ветром грунтовыми ступенями, уходившими наверх. Кто-то вырыл их для удобного подъёма — высота была чуть выше человеческого роста, что неудобно и для стрельбы, и для передвижения. Окоп явно не боевой, не для обороны, скорее для скрытого наблюдения и передачи информации вглубь блокады. Оно и ясно — территория пока ещё принадлежит Туадену, и все предыдущие ловушки были их.

Убедившись, что никого нет, опустил оружие, с лёгкостью выдохнул.

— Всё чисто, — выглянул из землянки. — Давайте сюда, тут теплее. Якорь, остаёшься на охране.

— Так точно, товарищ прапор, — снова глотнул из фляги.

— Хватит пить! Враг подойдёт, а ты по пьяни не заметишь, и что тогда?! Пустят нас на мясо!

— Виноват! — тот сразу же убрал флягу, понимая, что уже переходит черту дозволенного.

Достал пачку самокруток — сменил одну привычку на другую, будто пытаюсь обмануть себя, что ничего не произошло. Оперся спиной о стену, скрестил ноги, зажал сигарету в зубах и закурил, вдыхая горький едкий дым, чувствуя, как лёгкие крошатся в чёрную пыль. Командир недовольно махнул рукой на коллегу и вернулся в землянку.

Шут уже был перебинтован, сидел на стуле у стола, шевелил пальцами ног, упрямо наблюдал за их движениями, будто боялся, что в любой момент они перестанут ему подчиняться. Перевёл взгляд на начальника — и оживился.

— Товарищ, как вам идея сыграть? — Он указал на шахматную доску. — Вернее, доиграть. Прежние игроки не закончили, может, мы закончим. Чур я за белых, у них шашек больше.

— Не время для игр. Отдыхайте, через пару часов продолжим, как Алёхе станет лучше.

— Да ты чего, прапор, я здоров! — Он растянул руки, будто ничего не произошло.

— Ага, — ввязалась Аня. — Ходить нормально не можешь, сразу стонешь. Куда тебе по сугробам ползать? Здоров он, — недовольно покачала головой.

— Отставить споры, мы не для этого собрались. — Командир опустил на колено перед кострищем, глянул на наручные часы. — Сейчас два ночи. В четыре выступаем.

Он сложил брёвна домиком, хлопнул по карманам — зажигалки нет.

— Чёрт... у кого есть спички или зажигалка?

Переглянулись, отрицательно покачали головами.

— Якорь, дай спичек для костра!

— У меня последние! — донёсся голос снаружи.

Алкоголик зашёл в землянку, протянул почти пустой коробок, где о стенки бились пара осиновых палочек с серой на конце. Николай молча взял, чиркнул одну из двух, кинул внутрь. Та потухла, не поджигая дерево.

— Чёрт, розжиг нужен!

Он резко выхватил сигарету из зубов товарища. Тот хотел возразить, но слова застряли. Командир рассыпал табак, поджёг второй спичкой, аккуратно поднёс к кучке, начал раздувать. Живое, хрупкое пламя постепенно поглощало дерево, становилось крепче, горячее, наполняя помещение теплом. Протянутые к огню руки закололи, загрубевшая кожа смягчилась.

— Ох, пошла жара! Так, Якорь, ты час дежуришь, потом — я. — Он снял часы и протянул товарищу. — Держи, у тебя же своих нет.

— Вас понял. — Якорь аккуратно взял часы указательным и большим пальцами, сунул в нагрудный карман, быстро обернулся и скрылся снаружи, в объятиях выюги.

В воздухе повисла тишина — лишь треск брёвен в огне да завывание ветра над головой, будто крики душ усопших, не успокоившихся, так и не дошедших до внешней границы. Кто на mine подорвался, кто в капкане застрял, кто в колючке увяз, кого патруль застрелил. Внешняя граница настолько плотно усеяна вражескими преградами, что идти через неё — верное самоубийство. За шесть лет и множество погибших и пропавших без вести отрядов это стало очевидно. Без боя прорваться нельзя, но людей всё равно посылали на смерть. Кто-то шёл на врага, кто-то дезертировал и затерялся в городе, в горном кольце средь посёлков, кто-то сдавался, едва видел дуло вражеского автомата, переходил на вражескую сторону.

Сейчас по городу ходили слухи, что готовится вторая волна прорыва — уже более организованная и серьёзная. Глушители радио, ТВ и интернета препятствовали передаче информации наружу, сообщения по воздуху перехватывали, сбивали, но почему-то и с внешней стороны не было попыток разрезать кольцо — будто о городе забыли, забросили. Быть может, все уже считали город взятым — сообщений же не поступало. Нужно действовать самим. Пока противник не видел глазами беспилотников, по ночам к границе свозили технику, боеприпасы, собирали солдат и добровольцев. Такие отряды, как этот, периодически отправляли на разведку, чтобы составить грамотный план: то в горы по бокам, то к захваченному поселку городского типа Горный на выходе из туаденского кольца. Но какую информацию соберёшь зимой, в холод, когда всё зарыто в снег? Их будто не волновало, что узнать что-либо физически невозможно, если только не попасться в капкан, укрытый снегом.

Под внутренние размышления о политике, войне и блокаде, под треск пламени и свист выюги, тяжёлые веки медленно опустились на глаза, скрывая оранжевый свет. Мысли путались, мутнели, переплетались в немыслимые паутины, пока сидящий на соломе Николай не провалился в сон.

Холод заползал в ноздри патрульного, наполнял лёгкие, сковывал движения. Вслушиваясь в шум ветра, Якорь пытался уловить вражеские шаги, голоса или выстрелы, но ничего не было. Местность казалась полностью заброшенной, но метель лишь усиливалась, будто желала прогнать городских обратно. Будь его воля, он бы давно сидел в штабе, покуривая очередную самокрутку и греясь у буржуйки вместе с другими парнями. Но он стоял здесь, выглядывая из-под земли в темноту мёртвого зимнего леса.

Среди шума ветра, треска веток и гнущихся стволов, на периферии сознания, краем уха он уловил отдалённый ритмичный хруст снега, повторяющийся с определённой периодичностью. На секунду застыл, потом нырнул вниз, прижался к стене. Встал на цыпочки, разгрёб перчатками снег на краю, всмотрелся в пустоту. Шаги. Определённо шаги. И иностранная речь. В черноте прорисовывались силуэты. Противник!

Он упал на пол, согнулся, прижал автомат, влетел в освещённое костром помещение. Алексей с перетянутой ногой и Анна играли в шашки, Николай дремал.

— Винодел, тревога! Туши костёр! — Он подбежал и затоптал огонь ногой, оставив тлеющие угли и пепел.

— Что такое? — вскочил сонный командир, схватился за оружие.

— Вражина! Не знаю сколько, но по звуку — двое, идут сюда.

— Чёрт! Значит, окоп не брошен!

— Враг? — подключился Алексей, снимая автомат с предохранителя. — Всего двое? Сейчас разберёмся, нас больше!

— Ага, только ты недееспособен, а Аня не боец. Якорь, занимаем оборону. Вы двое — там поворот, за угол и скройтесь.

— Какой «недееспособен»?! Я им сейчас нава-а-ай! — Попытался встать, но нога напомнила о себе.

— Я сказал — «быстро»! — Лицо стало серьёзной, злой гримасой, сверлящей взглядом Шута. — Аня, помоги этому клоуну!

Та метнулась к товарищу, подставила плечо и потащила Алексея практически на себе. Они вышли к повороту, к ступеням. Шут сел, готовясь к нападению.

— Ань, если что — вот карта, беги, — Он протянул ей бумагу и приставил приклад к плечу, глядя через целик.

— Но... — Девушка секунду поколебалась, взяла карту, сунула в карман, замерла у угла, наблюдая за военными.

Якорь и Винодел заняли позиции у стен, выглядывая из-за тканевой ширмы. Тишина. Внезапно свет фонаря упал вниз, прямо на ещё не засыпанные следы. Противник понял, что здесь были гости, а может — есть и сейчас. Раздались шаги над головой: кто-то шёл по крыше. Шаги приблизились ко входу и замерли. Секунда длилась вечность, в ушах стучало сердце, руки сжимали оружие.

Что-то приземлилось на землю с громким звуком. Пальцы нажали на спуск, паля в никуда, но враг оказался хитрее: при падении он сгруппировался, оказался на земле, ворвался внутрь, набросился на Якоря и полоснул ножом.

— Сука! — только и успел выдохнуть Якорь, получив нож в плечо, и тут же упал с перерезанным горлом.

— Тварь! — заорал Винодел и со всей силы ударил прикладом.

Попытался навести автомат, но получил ногой по руке, выбив оружие. Враг бросился на него с ножом, Николай подставил руку — лезвие с влажным звуком прошло кисть насквозь. Собственная кровь хлестнула на лицо, пропитала перчатку вокруг. Зарывав от боли, он выхва-

тил свой нож и вспорол врагу живот. Кровь и внутренности хлынули из-под куртки, тот упал и затих в болевом шоке. Но в это время второй спрыгнул с другой стороны крыши.

— Командир, сзади! — крикнула Аня.

Николай обернулся, но враг уже пустил в девушку пулю. Та упала наземь с глухим звуком.

— Аня, нет! — завопил Шут, рванул к ней, оттащил за угол, зажал рану в груди тканью её же куртки.

Предупреждённый прапорщик прыгнул на отвлечённого врага и всадил нож в спину. Тот упал на колени, взвыл, развернулся и штыком автомата вгрызся под ребро Николаю.

— Подохни, тварь! — выдохнул раненый Винодел, вытащил нож и со всей силы всадил его в макушку, ломая череп, добывая мозг. Враг обмяк. Николай опустился на четвереньки, держась за бок — не в силах вытащить лезвие из тела.

Шут прижал ухо к груди девушки — тишина. Ещё тёплое сердце, пробитое свинцом, уже не билось.

— Анька, нет! Чёрт! Я же говорил — беги! — Он обессиленно ударил кулаком по земле, но быстро взял себя в руки, понимая, что сейчас времени скорбеть нет. Вытащил из кармана девушки карту, сжал. Встал на здоровую ногу, заковылял к начальнику. Тот лежал, хрипло дышал, кашляя кровью.

— Колян, ты как? — Шут опустился рядом с начальником, кладя ладонь на лопатку товарища. Рука командира легла на рукоятку ножа, но Алексей перехватил: — Не трогай, крови больше будет. Держись, Колян, я вытащу. Только не закрывай глаз, слышишь? Не спать, командир, тебе ещё нас!

Николай не отвечал, продолжая тяжело дышать. Мелкие капли крови на снегу постепенно скапливались в сначала небольшую лужу, а со временем в крупную. Снег вокруг начал пропитываться, приобретать бордовый оттенок. Подошедший ком к горлу со смачным влажным звуком вылетел кровавой рвотой прямо под себя, окрашивая подбородок и губы.

— Ох, чёрт... так, всё, поднимаемся.

Он перекинул руку командира себе через плечо, с трудом поднялся. Нога взорвалась болью, будто кость раздробили, но, стиснув зубы, он шагнул к промёрзшим ступеням, что норовили провалиться под весом двух бойцов в броне.

Ветер окутал их, пытался задержать. Снег бил в лицо, морозил кожу, конденсировал иней на бровях. Белая пелена метели скрывала путь, но Шут, неся раненого, ступал по глубоким сыпучим сугробам — вперёд, к своим.

ДОСЬЕ 2 — МИЛИЦИОНЕР

Зима долгого, тяжёлого тринадцатого года выдалась очень холодной, холоднее всех предыдущих за последнее трудное время, начиная с две тысячи седьмого года. Снег валит крупными хлопьями каждую ночь и день, наметая на улицы сугробы, ледяные горы, перекрывая дороги, тротуары, замораживая производство, шахтерские работы, мешая обороне сбивать бомбардировщики, ракеты, беспилотники.

Новый год уже совсем скоро, и полумертвый Туаден собирается отмечать так, как только может, несмотря на войну и блокаду. В тесных холодных коморках многоквартирных домов ютятся люди, наряжают старые ели, что чудом уцелели, не пошли на дрова, достают притаенные запасы еды и алкоголя, а «Погоны» — так называют милицию, армию и администрацию в народе, устраивают бесплатную раздачу чёрствого хлеба — по полкило на руки, что на двести граммов больше, чем в обычный день! Завтра снова будет голодно и холодно, завтра снова будут смерти и ранения, но пока народ не падает духом — город будет стоять, а чтобы народ не падал — его надо поддерживать всеми силами, как только можно.

Такой же политики придерживался и молодой милиционер участкового пункта №52 Сохов Игорь Владимирович, с созвучным позывным "Соха". Поступив на службу уже в двадцать лет, в свои двадцать четыре он уже успел добиться высоких результатов: за активную службу, всяческие отличия и подвиги был награждён погонами младшего лейтенанта с золотыми звездами на погонах: по одной на каждом плече. Его смелость и отвага помогали ему в борьбе с Флюгерами, бандами на улицах, маргиналами и другими врагами народа, стражей порядка, города и страны. Обгоняя всех соратников по службе, он перескакивал с одного звания на другое, пока не застрял на нынешнем.

В тот день он, вместе со своим товарищем рядовым Андреем Козленко, который стал для него почти братом, вызвался на раздачу продуктов для горожан. В назначенное время, в назначенном месте, в 13 часов на главной площади самого центрального из всех районов — «Шахты», они должны были быть с грузовой машиной хлеба, дабы радовать горожан и жителей города. Но до того места и времени ещё надо добраться, а это непросто. В последнее время бандиты совсем страх потеряли: отслеживают их безопасные маршруты, устраивают облавы и засады, захватывают автомобили милиции, заполненные провиантом, оставляя тем самым соотечественников без продуктов. За последние две недели было зафиксировано три успешных нападения, жители Туадена жалуются, что их оставляют без еды, а милиция ничего с этим сделать не может, потому что возить еду с охранным конвоем слишком дорого — бензин кончается, а по-другому никак не защитить. Остается уповать только на опыт и смекалку водителей.

Тяжёлые сапоги, черные, чистые кожаные ботинки стучали по разбитому временем асфальту старого милицейского участка. По углам периметра стояли патрульные, охраняя служебную технику. Это не танки или БТРы — они все на линии фронта. Здесь стояли старые милицейские машины: от советских «Волг», «Бобиков» и «Жигулей» до шведских «Вольво». Использовалось всё, что могло ездить. Что-то было отнято у горожан, что-то осталось с довоенных времён.

В руке звенели и вертелись ключи от древней «Газели» — одной из немногих грузовых машин милиции, полученной уже после начала блокады. Старенькая, но дико живучая, надёжная. Часто она выручала служивых: и пули на себя принимала, и от погони удидала. Чёрт знает,

чего она настолько прочна, чуть ли не бессмертна, но пережить она собиралась и блокаду, и войну, и всех, кто служит в этом милицейском участке. Сам Игорь нередко пользовался ею, хотя и не так часто, как остальные. Вот и сегодня ему выпал шанс вновь почувствовать вибрацию руля на руках, резкость в поворотах и жёсткость сидений.

Игорь подходит к автомобилю, хлопает его по прогнувшейся металлической крыше, опускает ладонь на пластмассовую ручку и с трудом тянет на себя дверь. Петли проржавели, с трудом поддаваясь грубой силе, но по-иному не открыть. Быстро садится в тёплый, слегка даже душный салон, усаживается, стягивает фуражку, кладёт на приборную панель, не замечая окружающих.

— Здравия желаю, товарищ младший лейтенант! — послышалось справа.

Игорь резко дёрнулся от незамеченного им Андрея, сидящего рядом. Рука парня застыла у шапки в процессе отдачи чести. На тощем лице были открыты огромные, яркие зелёные глаза, а на каштановых волосах — милицейская ушанка. Семнадцатилетний парень, даже школу не окончивший, добровольцем поступил на службу и готов исполнять любые приказы. В его глазах старшие по званию товарищи, как Соха, были примером для подражания.

— Ох-ты-ж-ё! Ты чего пугаешь, рядовой?! — отдышался от страха, — Вольно, рядовой.

— Виноват, товарищ младший лейтенант, — Юноша убрал руку от головы и тупо уставился вперёд.

Младший лейтенант ещё секунду посмотрел на паренька, но перевёл взгляд на руль, положив на него руки, ощущая холодную кожу обшивки.

— Так, ну что, пацан, сегодня мы с тобой отвечаем за гастрономию наших людей, так? — говорит он так, будто разница между ними — всего семь лет. — Дело это опасное, могут напасть, так что гляди в оба и если что, сразу говори мне. Ясно?!

— Так точно! — выпалил Андрей.

— Вот и отлично, — он воткнул ключ в замок зажигания, провернул его направо, и с третьей попытки машина загудела.

Рулевое колесо затряслось, вибрируя, мурча как ласковый кот. Одна рука держится за руль, другая хватается за ручник, дёргает на себя и переключает коробку передач на задний ход. Игорь давит на газ, выезжая с парковочного места, проворачивает руль, меняет скорость на первую, выворачивает колёса обратно и подъезжает к шлагбауму. Встретившись с охраной взглядом, он получает немое разрешение на выезд. Заграждение поднимается, выпуская милиционеров. Те выезжают на дорогу и начинают путь.

По заснеженным тротуарам идут горожане, укутанные в старые лохмотья, готовясь к новому году. Сегодня умирать явно никто не собирается — настроение не то. Газель быстро движется к месту назначения, вроде бы без происшествий. Иногда приходится объезжать сугробы и оставленные машины со скрученными колёсами и разобранными кузовами, но в основном всё идёт гладко.

Подъезжая к перекрёстку, машина затормозила, оставляя следы покрышек на дороге. Путь перекрыт взрывной воронкой после недавнего обстрела: заряд приземлился именно в этом месте, перекрывая на несколько недель, а может, и месяцев, важную логистическую точку.

— Чёрт! — хлопнул Игорь по рулю. — Андрей, что там по картам, где ближайший объезд? Я тут давно не был.

— Ближайший объезд у нас... — тот развернул дорожную карту Туадена, разглядывая улицы. — Вот тут, — указывает пальцем объезд через соседний район.

— Чёрт, через Первомайский придётся ехать... — проговорил Игорь, почёсывая небритый подбородок.

Первомайский район славился своей криминальностью. Множество мелких банд и несколько крупных группировок бесчинствуют, явно не боясь хватки закона, что легко смогут захватить их и машину с провиантом, а их самих пустить в расход.

— Нет, не вариант. А что там, какие ещё есть объезды?

— Следующий ближайший только вот тут, — он показывает на длинный путь через несколько улиц, на который нужно потратить намного больше времени.

— Нет, это тоже не то. Поедем по этому пути — опоздаем минут на тридцать. Ах, к чёрту, прорвёмся! Едем через Первомайский!

— Но, товарищ младший лейтенант, вы уверены?

— Уверен, не уверен — пристегнись и держись крепче, а если что — стреляй на поражение, если сможешь. Возможно, придётся пострелять.

Удивлённый Андрей закивал, застегнул ремень безопасности и приготовил пистолет Макарова. Они выезжают из Торгового района и въезжают в Первомайский. Прямо на границе атмосфера меняется кардинально: запустелые улицы с редкими прохожими, последствия массовых драк и перестрелок, следы кострищ прямо посреди дороги. Недовольные горожане зло смотрят на машину «Погон», жаждающая вскрыть её и забрать всё, что внутри.

Внезапно слышен выстрел, и стекло водительской двери разбивается вдребезги. Осколки летят во все стороны, царапая лицо, руки, сбивая с толку. Игорь, зажмурившись от неожиданности, чуть не влетел в столб, но вовремя дёрнул руль и вернул машину на трассу. Андрей вжался в спинку кресла, явно не ожидая атаки.

Со всех сторон повалили люди с заводским и самодельным оружием.

— Чёрт! Держись! — кричит Игорь, петляя между мародёрами.

Он умело изворачивается, объезжает людей, предметы на дорогах. Впереди ещё один перекрёсток.

— Куда нам?! — кричит командир рядовому.

— Направо! — тут же отвечает тот.

Игорь со всей силы поворачивает руль в нужную сторону и прибавляет газу. Внезапно прямо на дорогу падает бетонный столб, закрывая проезд. Быстро среагировав и едва затормозив, он включает заднюю передачу и давит на газ. В это время бандиты начинают прыгать на машину — кабину, кузов, бампер. Один хватается за дверь водителя, хватая младшего лейтенанта за куртку и тянет на себя.

— Андрей! — кричит Игорь, не способный отпустить руль.

Парень моментально направляет пистолет прямо на захватчика и стреляет. Пуля пронизывает грудь. Пальцы разжимаются, и тело падает на дорогу.

Грузовик вновь выезжает на перекрёсток.

— Прямо, затем направо, направо, налево и дальше снова прямо! — выпалил Андрей, судорожно сверяя карту и дорогу.

— Понял тебя! — Игорь вдавил газ на полную, сбивая одного из них. Тот падает под колёса, и машина проезжает по нему, давя, как тубик зубной пасты. Слышен влажный хруст костей и мышц, крик попавшего под автомобиль смешивается с рёвом двигателя и общим хаосом.

Они едут по дороге, удирая от преследующей их толпы, заворачивают по нужному маршруту. Игорь достаёт из кармана куртки служебную рацию, сжимает ее в руке, включает и подносит к губам.

— Внимание, младший лейтенант Соха запрашивает подмогу. Повторяю: младший лейтенант Соха запрашивает подмогу, приём.

— Так точно, товарищ младший лейтенант, — затрещал женский голос из рации. — Сообщите, где вы находитесь, приём?

— Да, мы находимся в Первомайском районе, по улице... — он прижал рацию к себе и обратился к Андрею. — Где мы сейчас?

— Моховская.

Игорь вновь говорит в рацию:

— Моховская улица. За нами толпа, была попытка захвата автомобиля. Мы постепенно сбегает, но они всё ещё за нами. Приём!

— Вас поняла. Направляю к вам подмогу, конец связи.

— Отлично. Конец связи.

Увернувшись от очередного безумца, прыгнувшего на машину, Игорь круто повернул направо, и тут же в их стекло разбивается бутылка. По всей поверхности расплёскивается горячее и тут же вспыхивает.

— Тварь! — ругается Игорь.

Андрей от страха не может пошевелиться, сидит с напряжённым каменным лицом на месте, держась руками за ремень безопасности. Командир выглядывает из окна, чтобы нормально смотреть за дорогой. Ещё поворот, и толпа остаётся позади, бандиты на тротуарах редеют, впереди — финишная прямая.

Они выезжают на площадь, разгоняя гудком набежавших на площадь голодных горожан. Милиционеры выскакивают из горящей машины.

— Воды! Быстро, воды сюда! — во всё горло кричит рядовой.

Охающие и ахающие мужчины и женщины, ближайšie к машине, принялись закидывать стекло снегом, а тот таял и тушил огонь. Борьба холода и жара шла недолго, и вскоре пожар был остановлен, а хлеб спасён.

Игорь, наблюдающий за этой ситуацией со стороны, с пола, опустил голову на землю и, тяжело дыша, уставился на ясное декабрьское небо. Мелкие снежинки сыплются с редких облаков, медленно покрывая милиционера тонким слоем белой пелены.

— Чёрт, я точно буду просить повышение.

ДОСЬЕ 3 — ХИРУРГ

Ночь после рабочих суток всегда ощущается по-особенному, будто бы ты в совсем другом мире, где всё по-другому. Мрак в коридорах больничных отделений, стихающая буря за окном и медленное покраснение края небосвода на горизонте за горами, что скоро вновь осветит мёртвую землю.

Кабинет №13 — хирург Виктория Ежёва, немолодая женщина с русыми, черными в корнях волосами, венистыми руками, костлявыми, но крепкими пальцами, что инстинктивно сжимали скальпель. Тощее длинное лицо, на котором маячили черные, как шахты города, глаза с не менее темными синяками от недосыпа, стресса и усталости. Она бы могла сотни раз уволиться с тяжёлой, непосильной работы, но все никак не решалась написать заявление. Да и чем зарабатывать? Что делать в таком случае, если вся жизнь отдана делу Гиппократа? Штамповать оружие на заводах? Капать руду? Не так просто оставить помощь другим. Она не могла, только не сейчас, только не в это время.

В Туадене врачи особенно ценятся. Не только голод, но и болезни, ранения на телах терзают горожан, что погибают в своих комнатах и квартирках без лечения, не в силах подняться и пойти в больницу. А больницы переполнены: люди заполняют все палаты, лежат вдоль стен коридоров, залов ожидания, кашляя, чихая и изрыгая кровь, погибая в очередях к разрывающимся от количества пациентов врачам. Иммуитет ослаб, а периодически вспыхивающие эпидемии убивают слабых, оставляя сильных. Доктора круглыми сутками находятся в больницах, живут там, чтобы только облегчить участь больных.

Особое внимание уделяется военным, что держат пост стражей города на границе. Не подпуская врага, они часто жертвуют собой и своим здоровьем, отдавая все силы делу удержания города. Нередко бывает, что посреди ночи притаскивают мужчин в камуфляже с пулями в груди, ножами в животах, вспоротыми брюхами, нашинкованных осколками гранат, без рук и ног. Нередко бывает, что не удается спасти их, вытянуть с того света, не дать провалиться в бездну мужчине неизвестному, и тогда приходится выкатывать накрытые простынями тела с бирками на больших пальцах.

Именно в одном из пограничных лазаретов и находился хирургический кабинет №13 — одно из немногих мест, где Ежёва могла уединиться наедине со своими мыслями и размышлениями, пока молодые медсестры, что ещё не успели сбежать, "обслуживают" раненых солдат в палатках госпиталя. Она редко выходила в люди, в основном покидая кабинет лишь по вызову или другому важному случаю, как, например, приезд проверки из центра. В основном ее работа заключалась в заполнении ненужных бумаг и подписании соглашений. Бухгалтеров совсем не осталось, и бумажную работу скидывают на простых рабочих, кои могут даже не понимать всей сути того, что там написано, оставляя свои закорючки в нужных бланках "ПОДПИСЬ", откладывая их в сторону и хватаясь за следующую бумажку. Такая работа медленно убивает, высасывает все соки из тел профессионалов медицины и их подмастерьей, помощников и ассистентов. Вот и сейчас лучший хирург всего приграничья вместо заслуженного отдыха после тяжёлого рабочего дня сменила скальпель на перо, сквозь мутность в голове вчитывается в слова и предложения на страницах, пишет в свете тусклой свечи. Пальцы сами выводят кривым врачебным почерком буквы, что складываются в слова, а слова — в предложения.

Внезапно дверь медленно со скрипом открывается, и из полумрака коридора показывается силуэт со скрытым лицом, одетый в медицинский халат, с длинными темно-каштановыми волосами по грудь и теплым блеском очков в свете свечи. Опираясь на дверной косяк, двое маленьких огоньков в линзах-зеркалах сверлят взглядом напарницу-хирурга, подбирая слова для разговора.

— Слушай, Вик, пошли на перекур, а? — предлагает Настя.

— Да, сейчас, одну минуточку... — протянула она последнюю букву, в быстром темпе дописывая предложение и ставя точку. Встаёт с кресла, идёт в сторону подруги. — Пошли.

Куриво она потребляла в промышленных масштабах, особенно после начала тяжёлых времён. Часто она меняла свои пайки на пачки сигарет, брикеты сухого табака. Если не голод, так рак лёгких заберёт её, и она сама понимала это, ведь она врач, но поступить иначе, бросить уже не могла. Если в простые, спокойные дни она могла обойтись и без никотина, то вот после нелёгкой операции, когда пострадавший кричит от отсутствия анестезии, кровь хлещет ручьём, руки и ноги не слушаются, бьась в судорожных конвульсиях, она вполне себе могла скурить несколько сигарет подряд за раз, дабы успокоить нервы, не дать себе сойти с ума.

При приближении скрытое в черноте лицо стало заметным: такое же худое, но короткое, с редкими чёрными веснушками на впалых щеках и около носа, редкими бровями и несколько кривым разрезом рта. Довольно молодая по современным меркам, двадцатипятилетняя девушка совсем растеряла свою молодость за последние шесть лет, да и сама взрослее своих годов, отчего разрешает себе наглость обращаться к старшей вдвое коллеге на «ты», да и сама Ежёва не была против.

В неловкой тишине идут по бессветному коридору, оглядываясь во мрак одного из немногих пустых коридоров лазарета. Гулкие шаги от больничной плитки из-под подошв обуви эхом резонируют от пола, стен, потолка, разносясь по длинной комнате. Извилистый путь ведёт их к лестнице на первый этаж, а вслед за ней и к выходу из здания.

Тут же холод сковывает тела в тонких медицинских халатах, что не защищают от минусовой температуры. Зубы начинают рефлекторно стучать друг о друга в инстинктивной судороге. Поёжившись, Анастасия достаёт из кармана папиросницу и угощает косяком товарищницу, и сама зажимает сигарету в губах. Хлопнув себя по карманам, та замирает.

— Чёрт, спички забыла, — говорит та, уже собираясь идти обратно в помещение.

— Да ничего, я поделюсь!

Хирург сует руку внутрь халата, к внутреннему карману, где базируется бензиновая зажигалка наподобие Zippo, но собранная самодельно уже в блокаде. Большой палец легко откидывает в сторону крышку и резким движением прокручивает податливое колёсико кресала. Искры высекаются из-под кремня и поджигают пропитанный маслом фитиль, наполняя воздух запахом горелого и согревая пальцы на зажигалке. Женщина подносит огонёк к лицу девушки, поджигая конец сигареты. Та сразу же вспыхивает, но быстро тухнет, оставляя лишь небольшое тление, что быстро движется по бумаге и прессованным листьям табака к губам медсестры. Вслед за подружеской вспыхивает и папироса Ежёвой.

Втягивая горький, жгущий язык, трахею и лёгкие дым, от чьего вкуса тянет плевать, промыть рот и горло с мылом, он согревал вышедших без курток на безветренный предутренний мороз девушек, растекаясь по венам, артериям и капиллярам, пожирая альвеолы, выжигая бронхи. От вкуса наворачиваются бусины слёз на уголки глаз, что быстро покрываются ледяной коркой.

— Ах, хорошо-то как... — неловко попыталась начать разговор Настя.

— Да, и не поспоришь, — задумчиво ответила Виктория, — Кстати, не подскажешь, сколько времени?

— Да, одну минуту, — та подняла руку с наручными часами на запястье, чьи стрелки указывали на цифру 4 — двадцать минут пятого.

— Ох, смена кончилась ещё двадцать минут назад, а мы всё тут торчим.

— Ну я уже собиралась уходить, если честно.

— Ты-то да, а мне ещё надо работу закончить, иначе меня начальство убьёт. Тебе-то ещё ладно, молодая ещё, если что — с рук сойдёт, на дурость юную подумают, а я не молода, да и работаю тут уж третий десяток лет пошёл, с меня, если что, шкуру сдерут, если отлынивать буду.

Она вновь затянулась, вытягивая всю жизнь из окурка, но не бросая его наземь.

— Тут и не поспоришь... — меланхолично отвечает Настя и замолкает на пару секунд, после чего начинает по новой. — Знаешь, а ведь я никогда даже и не хотела становиться врачом.

— Да? А зачем тогда стала?

— Мама настояла, мол, «я лучше знаю, что тебе нужно». Война же на носу была, вот она и готовила меня ко всякому, будто знала, что всё вот так обернётся.

— А кем ты хотела стать?

— Художником. Но, как вы знаете: «Художник — от слова „худо“». Одними картинами себя не прокормишь, а все художники, писатели и музыканты — тунеядцы.

— Ну-ну. Может быть, она и права, время сейчас такое... нелёгкое.

— Нет, я всё понимаю, мне и здесь нормально, да и в глазах мамы я теперь «уважаемый человек», но... — девушка недовольно цокнула языком, — всё равно обидно как-то. Всегда мечтала покинуть этот город, вырваться в столицу, но всё так завернулось, что ни заехать, ни уехать.

— Сейчас всё, что творится вокруг, — против нас, но когда всё это кончится, то ты обязательно исполнишь то, что задумано. Рано или поздно, сейчас или потом, ты добьёшься этого, — взгляд устремлён на вращающуюся меж пальцев тлеющую сигарету, медленно испускаю-

щую дым. У неё никогда не получалось хорошо успокаивать людей, даже несмотря на долгое время работы с пациентами, которым постоянно нужна психологическая помощь, поддержка. Она часто бывает груба и прямолинейна, но старается меняться, становиться лучше и мягче в общении с окружающими.

— Да, но...

Не успела она договорить, как в далёких воротах госпиталя показался человек, вернее два: один несёт другого на плече. Оба одеты в белый камуфляж, первый хромает, волочит ногу по земле за собой, передвигаясь мелкими полушагами. По худому лицу течёт пот, стекает со лба по впалым щекам, собирается на бородке и крупными каплями слетает вниз, на снег. Зубы сжаты, губы застыли в немом оскале, брови напряжены, волосы растрепались, попадали на глаза, мешая видеть. Совсем чуть-чуть — и он сдастся, падёт на битую брусчатку, потеряв сознание. Второй же, на плече, уже успел потерять сознание. Отсюда лицо сложно увидеть: оно наклонено вниз, в тени, отчего черты — нос, глаза и рот — сливаются в одну кашу.

— Так, подруга, покурили и хватит, за работу, — Виктория бросает окурок на пол, топчет его ногою и быстрым шагом приближается к вошедшим. Настя так же бежит за начальницей, но та её быстро останавливает: — Подготовь каталку, надо будет его куда-то положить!

Анастасия резко остановилась, секунду обрабатывает информацию, резко оборачивается и бежит обратно к лазарету, дабы подготовить всё, что нужно. Ежова дважды подскакивает к мужчинам, быстро оценивая состояние: рукоять штык-ножа торчит меж рёбер, а из раны тонко течёт струйка алой крови, пропитывая одежду несущего. На плече красуется шеврон прапорщика.

— О боже, что произошло? Дайте я вам помогу.

— Его... ах... ранили в ближнем бою. Штыком.

Они берут его под плечи и уже вместе легче тащат тяжёлого солдата. Настя выкатывает каталку на улицу и толкает по целым каменным плиткам, объезжая выступы и трещины. Девушка подкатывает и помогает уложить, и сразу готовится катить обратно.

— С этим я сама разберусь, ты лучше этому помоги, — Виктория кивнула на еле стоящего на ногах солдата, сама схватилась за каталку и потолкала её к входу.

Настя смотрит на военного. Тот качается в сторону, начинает падать, но его тут же подхватывает хрупкая девушка.

— Nein! Не падай! Тут недалеко осталось!

Она накидывает его на себя и медленно, волоча ноги по земле, тащит внутрь. Здесь же аккуратно бросает его на лавку для ожидания гостей, и тот сразу же заваливается на бок.

— Что, устал? Ну отдохни, а я пока тебя по-быстрому осмотрю на предмет тяжких ранений. Что тут у тебя...

Она замечает забинтованную ногу — левую, ту, которой он хромал.

— А ну-ка...

Она опускается на корточки, стягивает сапог и рассматривает голень. Всё это время ступня была не на своём месте, вывихнута, некогда упругий бинт растянулся, размотался, едва держался на ноге.

— Ох, чёрт... — она положила руки на худую ногу солдата и резким движением восстановила её целостность. Лицо военного на мгновение зажмурилось во сне от резкой боли, но спустя несколько секунд пришло в норму. Пальцы стали разматывать бинты и наматывать их по новой, дабы не тратить драгоценные запасы со склада.

— Настя! Быстро препараты сюда!

Взгляд резко перешёл с ног пострадавшего в сторону крика начальницы.

— Да, сейчас, иду! — она вновь переводит взгляд обратно, затягивает узел, кладёт ногу на место. — Извини, но мне нужно бежать. Отдохни пока тут.

Она поднялась с пола, хватая сумку-аптечку, и бежит по коридорам до нужной операционной.

Виктория с прапорщиком преодолевают жёсткий порог и въезжают в холл, едут по коридорам больницы, пролетая мимо лежащих на койках у стен пациентов, будя особенно чутких во сне. Они пролетают пару поворотов и резко тормозят у нужного кабинета. Виктория влетает в кабинет, тащит за собою прапорщика, паркует посреди комнаты, подтягивает столик с инструментами.

— Такс, посмотрим, что тут у нас, — она расстёгивает бронежилет и распахивает куртку. Бело-синяя тельняшка вся пропиталась алой кровью с правого бока, из которого торчит нож. Прикладывает ухо к груди: слабое сердцебиение, но вроде цело, а вот в правом лёгком влажный хрип, похоже, пробито. Снять тельняшку не получится, поэтому она берет ножницы и режет ее пополам, открывая доступ к голой коже. Вокруг лезвия собралась коричневая корка, застывшая на морозе.

— Настя! Быстро препараты сюда! — прокричала она, натягивая старую медицинскую маску на лицо и смывая табачный запах с рук водой из металлического таза. — И кровь сюда!

— Какая группа?! — прокричала она из коридора, забегая внутрь с сумкой-аптечкой.

— Я что, знаю, что ли?! Я его впервые вижу! Первую давай!

— У нас два пакета всего осталось!

— Я сказала — неси! — прикрикнула та, зачем-то хватаясь за скальпель, хотя он и не нужен. Голыми руками легко занести заразу, но...

— Да... хорошо!

Она бросила сумку на стол и побежала искать нужную кровь. Виктория мерит давление: сто на семьдесят и медленно падает. Тут же в помещение влетает девушка с пакетом и надписью «группа 1». Подбегает, вешает на установку, полощет руки.

— Итак, что делаем? — нервно спрашивает медсестра.

— Я буду тянуть, а ты зажимай. Марлю возьми.

Настя тут же схватилась за светлую чистую ткань, обхватила лезвие кругом. Твердая рука хирурга ложится на рукоять и медленно тянет, миллиметр за миллиметром, дабы не спровоцировать осложнения. Поначалу все идёт гладко: тонкие, почти незаметные струи текут по коже, стелются по белому покрытию каталки, но вот слегка резкое движение, и из раны начинает хлестать бурая в тусклом свете лампы кровь, обильно пропитывая марлю вокруг, покрывая пальцы молодой девушки.

— Дави-дави-дави! Сильнее! Второй слой давай! — прикрикивала на молодёжь врач.

Решив рискнуть, она собирается с мыслями, выдыхает и резким движением вынимает нож из раны, бросая его на стол. Кровь начинает идти пуще прежнего, но к усилиям Анастасии добавляются ещё и Виктории. Те давят, закрывая ранение. Из-за марли не видно всей серьёзности, поэтому хирург пускает указательный и средний пальцы внутрь для тактильного осмотра.

— Вроде... помоги перевернуть его на бок!

Настя молча поворачивает его ранением к потолку, к свету, и теперь его можно лучше рассмотреть. Широкая щель пускает внутрь жёлтый блевотный свет потолочной лампы, освещающая лишь слегка задетые по бокам ребра, порезанные мышцы и такой же широкий разрез на лёгком. Вдыхаемый воздух выходит через рану, надо скорее ее заштопать.

Хирург хватается за нитки с иглками, но внезапно прапор дёргается и хрипло кашляет, пытается крикнуть, но одного лёгкого слишком мало для этого.

— Сука. Настя, обезбол! И держи его!

— Секунду!

Она хватается за нужный препарат, вонзает в него иглу, набирает дозу и колет его в лёгкое через щель. На мгновение солдат замирает, хватая уходящий воздух ртом. Настя удерживает беспорядочно дёргающиеся руки и прижимает к койке, не давая судорогам мешать спасению жизни.

В это время Виктория уже всё подготовила, и как только напарница кончила с обезболивающим, начала быстро сшивать куски плоти изогнутой иглой, протыкая ткани тонкой белой нитью: одна из последних хирургических, в следующий раз придётся пользоваться обычными.

Виток за витком, сантиметр за сантиметром, она движется от одного угла к противоположному, наконец закрывая рану. Слышны частые надрывистые вздохи мужчины, который в бреду борется со смертью.

— Тихо, тихо, дыши глубоко, спокойно, — нежно поглаживала она сухой рукой щеку солдата.

Большая часть работы сделана, следующие на очереди ткани и кожа, а с ними полегче. Пока сшивает, она спрашивает:

— Что там по давлению?

— Сейчас посмотрю... сто десять на семьдесят. Норма, стабильно.

— Отлично, отлично.

Последние движения — и кожа затягивается. В воздухе постепенно рассеивается запах крови, а металлический привкус на языке постепенно проходит.

— Вху-ух, бляха-муха, — протирает лоб тыльной стороной ладони Виктория, снимая с лица маску. — Будет жить. Настя, последи за ним, а я пойду подышу, потом тебя сменю.

— Да, хорошо, иди.

Она поворачивает прапора на спину, позволяя ему наконец расслабиться. Хирург покидает рабочее место и спиной опирается на холодную шершавую поверхность синей стены. Нос наполняет свежий запах пустого коридора. Руки покрыты чужой кровью по локоть. Пальцы, столь смело и крепко державшие нитку с иглой, затряслись в жутком треморе. Кисть ныряет внутрь халата, достает зажигалку. Другая — во внешний карман, достает пачку сигарет, ещё с фильтрами. Папироса зажимается зубами и нервно жуётся, пока конец не поджигается и лёгкие не наполняются горьким ядовитым дымом. Наконец-то она не бухгалтер, а хирург.

ДОСЬЕ 4 — ФЛЮГЕР

Время постепенно перевалило за восемь утра. Антон ещё не успел добраться до своего места работы, опаздывал. Солнце было скрыто за горами, но небо постепенно розовело, меняя черноту на синеву. Край огромного жёлтого диска выглядывал из-за восточных скал, чьи голые верхушки скрывают город в тени большую часть светлого времени суток. Где-то там уже вовсю воюют горные партизаны, военные, пробиваясь через укрепления, а поставки боеприпасов и продовольствия устраивают простые жители: заводчане и фермеры, что тратят всё время на обеспечение своих семей всем, что нужно.

Таким же простым человеком был и невысокий шестнадцатилетний парень по имени Антон Морозов с каштановыми волосами и огромными глазами на худощавом лице. Его худые руки активно выполняют всю работу «принеси-подай» на станковом заводе по производству самопальных патронов, где работает отец — Виктор Морозов. Тот не подошёл на службу по возрасту и здоровью: вся жизнь на металлургическом заводе дала о себе знать. Если бы не эти моменты, то тот бы уже давно добровольцем ушел бы на фронт, держать в руках автомат, стрелять по врагу.

У отца Антон находится в этаких подмастерьях уже четвёртый год, с двенадцатилетнего возраста, но вместо обучения правильному управлению станками он лишь таскает порох и заготовки для боеприпасов, а уже отец выполняет почти всю работу: делает гильзы, пули, засыпает порох, собирает патрон, который так же надо отнести на склад, ну а дальше — уже не его юрисдикция. И так проходит время, каждые сутки, днём за днём, неделя за неделей, лишь редкие выходные по воскресеньям, и то через раз, ведь войне нужно все больше и больше.

Нередко бывало так, что отцу становилось дико плохо, и тогда на месте Виктора работал Антон, заменяя его сменами. Лёгкие мужчины буквально разваливались из-за жуткой хронической болезни, усугубляемой долгой работой на сложной профессии. До блокады это был лишь постоянный кашель, но с началом голода и усложнения работы начали появляться и другие симптомы. Старший Морозов был человеком старой закалки, что не позволяло ему жаловаться, ведь это «не по-мужски». Он пережил кризисы восьмидесятых, бандитские разборки девяностых, подъём нулевых, но уже навряд ли переживёт ужас две тысячи седьмого года, что перерос в долгую, шестилетнюю осаду города.

По городу давно уже шли слухи о том, что вся страна оккупирована и лишь последние очаги сопротивления противостоят вторженцам, а быть может, Туаден уже давно остался последним городом бывшей страны, и совсем скоро ожидается масштабное вторжение уже сюда, или же даже глобальное уничтожение ядерной бомбой, что совсем маловероятно. Не будут же они уничтожать настолько важную точку? И если война уже проиграна, почему они ещё не добились туаденцев?

Но вопреки столь удручающим теориям есть и другая — страна не просто цела, она активно противостоит нападениям, отбивает атаки, а возможно, за них вступились и другие страны-союзники, что помогают или разнимают озлобленных политических собак. Но в таком случае почему же до сих пор не прорвана блокада Туадена? Что мешает, препятствует остальной армии разбить кольцо? Быть может, их оставили умирать, или же тут какой-то тайный заговор?

В любом случае, это уже решать не Антону. В его мире есть только этот город, а в голове только одно желание — стабильность. Хотя одно стабильно у него в жизни точно было: уровень жизни стабильно падал. Если ещё год назад атаки были не столь серьёзные, а тарелка была наполнена хотя бы наполовину, то этой зимой стало совсем худо: еды поубавилось втрое, а работы стало больше.

Вот и сейчас парень бежал по наполовину разрушенному бомбёжками, почти что пустому, но всё ещё полному жизни городу, преодолевая улицы, перекрёстки и повороты. Людей на улицах немного: кто на работу, кто с работы, кто просто по своим делам.

Пробегает до конца улицы и заворачивает налево, он видит здание в несколько этажей, огороженное забором, с КПП на входе. Завод. Высокие панорамные стёкла побиты, проволока порезана, а шламбаум искривлён изнутри наружу, будто кто-то вывернул его сильным ударом. Охранная будка пуста, да и воспользоваться ею без питания не получится. Вахтёр нет ни на входе, ни на въезде. Завод оставили без присмотра, будто приманка для любопытных личностей, будь то бандиты или флюгеры.

Нога пересекает вход, и Антон оказывается на территории предприятия, замирает на месте в попытке отдышаться. Его слабое тело не выдержало даже самых низких нагрузок, не говоря о почти безостановочном протяжённом кроссе от дома до фабрики длиной в парутройку километров. Будь он чуть сильнее, выносливее, он бы мог легко преодолеть расстояние беспрепятственно, но обстоятельства совсем другие.

Переставляя набитые чугуном ноги, парень приближается к двери, хватается пальцами за ледяную металлическую дверную ручку. Толкает вовнутрь, и порыв разгорячённого рабочего пара бьёт ему в лицо, обжигая румяные морозом щёки. Внутри даже воздух другой: густой, рабочий. По залу носятся мужчины и женщины, работают на станках, громяют молотами, скрипят механизмами.

На одном заводе смешалось производство патронов, гранат, кустарного оружия и обмоток — в простонародье так называли лёгкую броню. Старые гильзы и пули плавилась на металл, доспехи на огнестрел, вражеские оружия на детали. Полезное сразу же использовалось, а остальное складировалось. Тоннами отсюда вывозили готовые продукты и развозили по всей линии фронта, в частности на запад к поселку городского типа Горный, туда, где самая большая концентрация врагов.

Глаза вошедшего быстро мечутся по окружению, и взгляд падает на дверь с табличкой «ГАРДЕРОБ». Пока никто не заметил, Антон ныряет к стене и просачивается сквозь щели между дверью и проемом, оказываясь у шкафов и номерных ящиков, тихо закрывает за собою дверь. Шаги в кроссовках звонко разносятся по безлюдному коридору, двигаясь к нужному ящику — их с отцом общему, с номером шестьдесят девять. Рука нашаривает в кармане ключ с деревянной дощечкой и соответствующим номером на нём, суёт в замочную скважину, проворачивает, открывая доступ к двум сине-серым рабочим комбинезонам. Рука быстро хватается один из них, стягивает с себя черную куртку и суёт на её место. Ноги ныряют в штанины, руки в рукава, пальцы тянут бегунок молнии наверх, замыкают застёжки на высоком вороте у подбородка, чуть не зажёвывая кожу. Из нагрудных карманов торчат прорезиненные рабочие перчатки, которые тут же оказываются на кистях.

Парень пулей вылетает из гардероба и тут же натывается на начальника цеха, чуть ли не сбивая того с ног. Высокий лысоватый мужчина, Игорь Павлович, каким-то образом умудрившийся перехитрить блокадную диету и остающийся слегка полным.

— Морозов-младший, — начал начальник, смотря свысока на работника, — почему вы опоздали? И где ваш отец?

— Эм-м... извините, отцу стало плохо, пришлось немного задержаться, помочь ему. Я сегодня за него поработаю.

— Ну уж потрудитесь, — он нагнулся к лицу парня, — и я очень надеюсь, что более это не повторится. Я прав? — он вновь выпрямился. — Приступайте к работе.

Игорь Павлович растворяется в толпе, оставляя Антона в одиночестве.

— Мгм, сходи в... — начал говорить себе под нос, но слов не хватало, чтобы продолжить. Вместо этого он поспешил на своё рабочее место.

Помолчав пару секунд, Антон так же срывается с места и быстрым шагом направляется к рабочим, что трудятся не покладая рук. Он виляет между рядами, обходит стороной чаны расплавленного металла, пролетает на скорости сквозь скопления людей, огибает огромные механизмы стороной. Его рабочий тех носит третий номер. Сначала пробегает один цех, затем другой, вслед — его. Он идёт вдоль стены, заворачивает налево, проходит несколько рядов и наконец доходит до нужного места — крайний справа станок четвертого ряда.

Заводчанин медленно подходит к массивной машине, аккуратно кладёт на неё ладонь в перчатке, проводит пальцами по металлу, покрытому отшелушивающейся от старости тёмно-зелёной краской. В стальном теле чувствуется мощь, но усталось, будто просящая отдыха от ежедневной работы.

— Не спать, боец! — до боли карикатурная фраза донеслась слева от Антона. Тот резко дёрнулся и заметил однорукого заводчанина — Женьку Косолапова, который чаще просит звать себя «сержант». Совсем молодой ветеран военных действий на границе Туадена, потерявший руку, чья история вечно меняется от случая к случаю: то её переехал танк, то её оторвало взрывом, то она застряла в капкане и он самолично отрезал конечность, от чего над ним нередко подшучивают, а тот и не понимает. Слишком юн, всего девятнадцатый год, а уже «сержант». По крайней мере сам он так говорит. По натуре он был заядлым патриотом из разряда «защитим город от врагов наших», «нельзя сдаваться, надо держаться» и «ничего, потерпим». Настолько заядлым, что тошнит от этой наигранной патриотичности. — Чего носом клюёшь?

— Ага, да, хорошо, — не обращая особого внимания на боевого коллегу ответил Антон, принимаясь за работу.

— Ты меня вообще слышишь? Папаша твой где? Небось опять тунеядством занимается, а вместо себя сынишку отправил? — позволяя себе слишком дерзкие слова, тянул целой рукой скрипучий рычаг.

— И ничего он не тунеядец! — чуть было не замахнулся на коллегу парень, но вовремя отдёргнул себя. — Просто плохо сегодня снова.

— Ага, плохо, тьфу ты, — парень демонстративно сплюнул прямо себе под ноги. — Ну пускай поправляется, что сказать.

— Так и передам, — буркнул тот, уже сам хватаясь за рычаги.

Работа идёт в монотонном режиме: минуты сливаются в десятки, десятки — в часы. Заученные за несколько лет, отточенные почти до идеала движения тонкими короткими пальцами по рычагам, вентилям и кнопкам позволяли разуму уйти в себя, не задумываясь о не самой простой работе. Одно подогнать, другое скрутить, третье засыпать. Руки сами хватаются за нужные части станка, а мысли путаются, сплетаются в мыльные образы, перед глазами — пелена, не то белая, не то чёрная.

Внезапно эхом раздается сигнал из динамика — громкий, неприятный, резкий и трубный звон-гул-треск, не то сирена, не то саксофон. Обед.

— Все выстраиваемся в очереди на выдачу, повторяю, все выстраиваемся в очереди! — прозвучал приказ мерзким скрипучим голосом сразу после сигнала.

Рабочий шум сразу стих, ему на смену пришел шум толпы — пустые разговоры людей о погоде, планах на вечер и политике. Толпятся у дверных проемов в хрючевальню, поскорее желая получить свои порции. Их потные от тяжелого труда тела трутся друг о друга, отбивая желание вступить хоть в какой-то контакт — ни физический, ни разговорный.

Только закончилась агитация, как сразу же однорукий сержант сорвался с места и побежал ко входу в столовую, расталкивая оставшимися локтями других. Он живо обгоняет остальных, лезет вне очереди, чем сильно злит окружающих, но те ему ничего не делают. Морозов сам не остался в стороне, но вместо агрессивного прорыва сквозь толпу решает не рисковать и прилежно встать в конец длиннющей очереди.

Тут внезапно ещё один звук — уже снаружи. Оглушительная сирена ревёт на всю округу, вступая в хор с остальными системами оповещения. Пульсируя, вой закладывает уши, сотрясает мозг, бьёт кровью в висках.

— Всем сохранять спокойствие, простой обстрел! — успокаивал все тот же скрипучий голос уже по внутреннему громкоговорителю. — Ничего сверхнового!

И вправду — город очень часто обстреливали и бомбили всяческими возможными способами, в надежде выкурить горожан. Сирены воют если не каждый день, то через день точно, а бомбы постоянно взрываются у электростанций, в шахтах, но не на заводах. На защиту инфраструктуры приходит человеческая смекалка и старые приемы — маскировка важных точек под мирные здания искусственными макетами: будь то пятиэтажка, выстроенная буквально за пару месяцев, или скопление частных домов. Враги не бьют по мирным людям и их домам, отчего и маскировка эффективна. Вот и их завод не был исключением — крыша была заделана под простую панельку, и сверху было не отличить.

— Все спускаемся в подвал, повторяю, все спускаемся в подвал! Еда будет потом!

Недовольные рабочие стали ещё недовольнее, неодобрительно вздыхая и матерясь, перегруппировались из очереди на выдачу в очередь к люкам под землю, что были так удачно пробурены по площади всего пола.

Обстрелы длятся недолго, в районе пятнадцати минут, но сирены могут реветь несколько часов из-за опасности повторных ударов. Нередко бывало такое, что вроде бы все кончилось, но вот проходит несколько минут, и все по новой — взрывы, смерти, ужас.

Руки хватаются за влажные от сырости подземки перекладины жёлтой лестницы, обувь звенит о металл, негромко расходясь по полному чужих разговоров подвалу. Антон спрыгивает с третьей ступени, аккуратно приземляясь на грязный влажный бетон. Отходит в сторону, проходя по темному, тесному от людей помещению, пробираясь вдоль стенки, идя к углу буквально на ощупь, переступая и спотыкаясь о ноги сидящих. На каждый задетый случай из темноты слышны недовольные звуки и ругань.

— Смотри, куда прёшь!

— Аккуратнее давай!

— Ты под ноги не смотришь?!

Он не отвечал, не было ни сил, ни желания спорить. Он просто переходил на следующую свободную точку и двигался дальше, не обращая внимания на замечания. Рука на шершавой кирпичной стене натывается на пустой угол без человека — его излюбленное место. Глаза напрягаются, приспосабливаются к мраку, дабы убедиться в своей правоте: никого нет. Он медленно опускается на пол, опираясь спиной о стену, расслабляя тело, прикрывая глаза, позволяя неразборчивым речам вокруг поглотить душу, утопить в темноте, тесноте и белом шуме общей какофонии.

Душа улетает куда-то далеко, подальше от серых панелек города и зелёных лесов окружающих гор. Куда-то на обрыв, на край пустоты. Слышен шум воды, вой ветра в ушах, крики каких-то птиц. Черная картинка с неразборчивыми очертаниями и белым контуром приобретает цвета и ощутимые формы: бездна превращается в прибой океана, обрыв — в каменистый берег, а непонятный галдёж неизвестных пернатых — во вполне себе знакомых всем чаек, что летят далеко над толщей воды, а внизу — плеск рыбы.

Горячие камни под ногами одновременно приятно и ужасно неудобно кололи ступни, забивались между пальцев. Морской, слегка солёный бриз бил в лицо, приятно теребя каштановые волосы, смазывая влагу с очей к уголкам глаз, образуя мелкие слёзы-бусины, что тут же лопались от всё того же ветра. Резкий прилив обволакивал босые ступни по щиколотку, отдавая приятную прохладу.

Его всегда тянуло на море или океан — неважно. Горы вокруг города всегда давили на него, в то время как остальным, кто их любит, дарили чувство свободы и величия. Нет, для него это совсем не то. Они, подобно той же блокаде, не давали ему вырваться наружу, будто удерживая. Возможно, это так, а возможно, они ни на что не влияют. Море же другое. Совсем другое. Оно просторно, велико. Его пучина может поглотить кого угодно, несмотря на всю подготовку. Лишь уважая, можно пройти почти безнаказанным, будто оно само пускает через себя.

Ещё с детства он мечтал, что, когда вырастет, станет рыбаком или моряком, будет жить на берегу, подобно героям из разных фильмов и книг. Как будто если под ногами песок и камни, а перед тобой сотни тонн воды, то все проблемы тут же пропадают, улетучиваются, остаются позади, вне берега. Возможно, так и есть, но в ближайшее время, если не в ближайшую жизнь, это вряд ли получится проверить, осуществить. Быть может, когда враг наконец присоединит Туаден к себе, или же сам Туаден удержится и освободится от оков, он и сможет поехать, полететь куда-нибудь к океану. Быть может, даже поселится на берегу или хотя бы возле него, но пока остаётся лишь загнивать в душащем городе.

Проснулся он уже поздно вечером в пустом подземном зале. Жестокая реальность сменила океанский ветер запахом плесени и ржавчины в носу, а горячий песок под ногой — холодным бетонным полом. Возможно, его случайно забыли в темноте, отчего тот смог проспать почти всю вторую половину дня. Живот предательски заурчал, начиная поглощать самого себя, растворяться в собственном желудочном соке. Второй день без завтраков и ужинов, а на этот раз и без обеда, даёт о себе знать.

— Ах, боже, как же я мог пропустить обед... — хлопает он себя по лбу рукой, будто это поможет забыть о голоде.

Он с трудом поднимается на ноги, с таким же трудом движется к лестнице и поднимается в цех. Вместо длинного пути до главных дверей находит ближайшее разбитое окно и выпрыгивает через него на высокий снег, который доходил до середины бедра. Тут его не убрали за ненадобностью, отчего тот скапливался и скапливался. В некоторые дни проход вообще был невозможен, так что оставалось лишь ждать, пока ветер сдует, или же самому брать лопату и капать до нужного места. Благо, сегодня не тот вариант.

Раздвигая руками и разрезая ногами кристаллическую решётку снега, Антон проходит вдоль панорамных стёкол в рамах, продвигаясь до конца завода. Снег пропитывает водой штанины, засыпается в кроссовки, морозит ноги. Носки все мокрые от пота и снега — ангина обеспечена, хоть это ни на что не влияет. Быть может, дадут пару дней выходных, а затем вновь работать. Хоть сегодня суббота, но завтра воскресенье — свободный день на себя и свои дела.

Нога ступает на твёрдую чистую поверхность протоптанной тропы от двери до ворот. Промёрзшие руки стряхивают со штанов клубы снега, а с обуви они спадают после нескольких сильных прыжков, оставляя лишь мелкую посыпку вокруг ног на слегка припорошённой земле. Антон ступает по дороге к выходу, проходит через ворота, встречаясь взглядом с недовольным ночным сторожем. Тот провожает взглядом заводчанина, но, не сказав ни слова, вновь натягивает очки, утыкается в старую книгу. Ноги сами несут парня через пустые ночные улицы, засыпанные тротуары, гололёдные повороты и подорванные перекрёстки.

Внезапно раздаётся сирена, снова. Вечерами часто бывает простая проверка систем, но не в этот раз. Второй обстрел за день.

Глаза быстро мечутся по округе в попытке найти укрытие, и первое, что бросается в глаза, — ближайший подъезд старого трёхэтажного дома с магнитной, но обесточенной дверью. Бранный труп домофона висит на металле, некогда хранивший покой жильцов. Антон парой прыжков подлетает под навес, хватается за ручку двери, тянет на себя и ныряет в образовав-

шийся проход. Дверь с металлическим звоном захлопывается, расходясь эхом по некогда разрисованному подъезду.

Сирены держатся буквально пару минут, после чего затихают. За это время не было слышно ни одного выстрела, ни одного взрыва. Будто ложная тревога. Правым глазом Морозов выглядывает из подъезда, быстро анализируя происходящее. Ничего не поменялось: только какие-то бумажки разбросаны по улице, дороге, сугробам, лавкам. Будто кто-то сбросил сверху. Вражеская пропаганда и призыв сдать, перейти на их сторону. Нечасто, но периодически самолёты сбрасывают на город не бомбы, а рекламу. Горожане используют её для розжига, круток сигарет и в роли туалетной бумаги.

Андрей, только заметив это, выбегает из подъезда и принимается собирать листы. Один, второй, третий, четвёртый. На одном он зачем-то останавливается, глаза скользят по тексту, читая содержимое.

"Уважаемые жители Города-шахты Туаден!

Вы долгое время боролись за свою свободу, считая нас врагами! Но вы должны понимать, что мы пришли к вам для вашего же блага — свержения тоталитарной диктатуры у власти! Свобода не под гнётом вашего президента, а только в составе нашего государства! Примыкайте к нам, сдайте город, и тогда никто больше не пострадает! Эта бумага — ваш билет на свободу, покажите его нашим солдатам, и они тут же всё поймут. Вас вывезут на волю, а за верную службу обеспечат удобным жильём и высоким уровнем проживания в новой свободной жизни! Присоединяйтесь к нам!"

Текст оканчивается так же резко, как и начался, а на заднем плане красуется вражеский флаг, поверх которого изображён герб. Руки охватил мандраж, пальцы инстинктивно сжались. Он уже захотел сложить лист к остальным, но на мгновение застыл на месте. Оглянулся по сторонам, будто ожидая подставы, и, убедившись в своем одиночестве, сунул билет в карман, после чего быстро покинул место происшествия.

Утро воскресенья выдалось не таким холодным, как вчерашнее, и не таким темным, как вся прошлая неделя. По плану выходной, а значит, на площадях будут раздавать припасы: хлеб, картофель, лук. Будь сегодня обычным днём, он бы отправился напрямик туда, но нет, не в этот раз. В руке была сжата вражеская листовка, под ногами вертелась родная земля. Его путь лежал к семнадцатому вражескому западному полку.

ДОСЬЕ 5 — УЧИТЕЛЬ

Сизое январское небо не подпускает раннее солнце к промёрзшей земле. Ночная непроглядная темень медленно уступает чуть менее мрачному утреннему полумраку. С трудом пробиваясь сквозь густые тучи, лучи света падают на брошенные дома Туадена, а холод морозит щёки, щиплет глаза, покрывает инеем ресницы, брови. Заледенелые пальцы прячутся в рукавах, карманах тонкой куртки, которая почти никак не защищает от всепоглощающего северного ветра, так и норовящего забрать как можно больше людей, как можно больше жизней.

Дамир идёт по холодному мёртвому городу, по слегка заснеженной улице. Это место — одна из центральных дорог, которая ещё хоть как-то обслуживается: чистится от мусора, пыли, снега. Тонкая ледяная корка как назло задорно хрустит под ногами, будто чьи-то кости ломаются под весом тонких протёртых до дыр подошв. Тротуарные сугробы стали для многих могилами: обнимая, укрывая собой уставших, усопших, словно нежная мать обнимает своего ребенка, но эти объятья холодны и смертельны. Местами снег доходит до колена или даже пояса, а нередко бывает, что и до локтя, от чего каждую зиму на неочищенных улицах образовывались узкие коридорчики для пешего прохода горожан на работу и домой. О других, побочных точках пути, помимо площадей и дворов с раздачей хлеба, и речи не идёт: зима на то и зима, чтобы сидеть в своих холодных домах, кучковаться под тёплыми одеждами в надежде пережить очередную морозную ночь.

Живот крутит от голода, сжирает сам себя. Дамир не ел с полудня четверга, а сегодня уже утро субботы. Да и то это была всего пара кусков хлеба с несъедобными примесями: опилками, травой, крапивой, что в основном то дают только ощущение сытости, позволяя не сойти с ума, чем настоящую энергию. Вчера на работе не было обеда, мол: "Недостаток запасов, ждём пополнения", а страдает от этих постоянных "недостатков" простой пролетариат, вынужденный поддерживать весь город. Тяжело оставаться продуктивным, когда так мало ешь.

Многие местные жители, что без сил падали прямо на дорогах и тротуарах, погребены под слоями снега. Возможно, прямо сейчас он идёт меж голодных, замёрзших мертвецов, даже не осознавая этого. Узнать это он сможет только весной, когда снег растает, отступит и замёрзшие трупы покажутся наверху. Вновь семьи будут хоронить своих мёртвых детей, а живые сыновья своих замёрзших отцов.

Ноги шуршат по ледяной корке, без сил на более сложные движения. Внезапно носок задевает торчащую из дороги плиту бетона, от чего учитель теряет равновесие и летит на пол, проходясь коленями и локтями по наждаку торчащих из асфальта камней: дерёт одежду, стирает тонкую кожу на суставах. Некоторая часть крови остаётся на льду, впитывается в гравий.

— Ахр, мать вашу... — без крика, шёпотом проговаривает себе под нос Дамир.

Попытка встать кончается неудачей. Камни вгрызаются в костлявую ладонь, приказывая отступить, сдаться. Мужчина разворачивается на спину, тяжело глотает воздух, пытаясь отдышаться. Мелкий снег неприятно моросит на лицо, попадая в глаза, залетая в нос, опускаясь в раскрытый рот. Дамир прикрывает веки и уста, глубоко вдыхает мороз ноздрями. Пара повторений, пока сердце не прекращает биться с бешеной скоростью, а кровь в висках успокаивается.

Взгляду открываются бескрайние дали тёмно-серого от свинцовых туч неба, что мелко-мелко укрывает утренний блокадный Туаден заботливым холодным покрывалом белого цвета. Разум мутнеет в попытке уснуть: картинка мешается в кашу цветов, образов и размытых пятен.

— Нет, не спать. Нельзя спать. Нельзя... — последнее слово растягивается в зевке.

Рука с трудом поднимается перед глазами. На фоне размытия на подушечках пальцев виднеются лёгкие следы от давления на камни. Дамир поворачивается на бок, вновь упирается ладонью, затем второй. Мандраж вновь прибавляет кровь к белым предплечьям, наливая их розовым оттенком. Вторая попытка подняться сначала над землёй, а затем и на ноги. Он резко выпрямляется, замирает на месте, расставив руки в стороны. Нога вновь делает первый шаг, и учитель продолжает путь, впредь осторожнее.

Подходит к пустому перекрёстку. Машины зимой здесь не ездят, да и бензина для них нет, его выдают только на служебные и военные автомобили и только определённым лицам. Навсегда выключенные трёхглазые зрители светофоров навечно остались бдить за беспорядками на улицах, не в силах помочь. Когда-то они светили разными цветами, решая судьбы, предотвращая лишние смерти, держа порядок. Сейчас же кажется: весь порядок как раз без них и рухнул, хотя они тут совсем ни при чём.

Путь его лежит налево, через Цветочную улицу. Узкий коридорчик промеж сугробов замело ночью, и ещё никто не успел протоптать его заново, отчего участь первопроходца выпадает на плечи Дамира. Он подходит к снегу и делает первый шаг в холод. Штаны намокают не сразу, но это явно будет иметь последствия: здоровье у него от стресса и по природе ни к чёрту.

— Ах, чёрт, холодно-то как... — пробубнил тот, сильнее укутываясь в одежду. Натягивает шапку глубже, прячет лицо в шарф, а руки в перчатках — в карманах куртки.

Шаг за шагом мороз всё сильнее пробирает всё тело: ноги колет от холода и влаги, которая стекает в обувь, колени трясутся от мороза, а влажное дыхание замерзает инеевой коркой на внутренней ткани. Ранее лёгкая утренняя морось начинает набирать обороты, плюясь всё более крупными хлопьями снега в лицо, лезет в глаза, за шиворот.

Тучи сгущаются всё сильнее, когда он подходит к средней образовательной школе №67. Начинают падать более крупные, грязно-серые хлопья. Подул ветер, пробиваясь через слой тонкой серой куртки, залезая холодными порывами под шапку, морозя лысый череп, щекоча шею и засовывая свои холодные пальцы под шарф. Поёжившись, он быстро открывает дверь и заскакивает в не менее холодное, но безветренное учебное заведение. Сквозняк с силой захлопывает дверь, и Дамир плечом придерживает её, вставляет ключ в скважину и проворачивает. Щелчок замка — наконец он в относительной безопасности.

Мужчина отряхивает ноги и куртку от снега, и под ним быстро образуется насыпь из белой пудры. Глаза окидывают пустой входной зал, покрытый полутьмой. Из помещения в разные стороны идут два коридора в боковые крылья и ступени на следующие этажи.

Шаги эхом раздаются по холлу, коридорам, оставляя за собой поначалу снежные следы, пока учитель идёт к своему кабинету. Школа почти мертва: ученики заняты своими, более важными на сегодняшний день делами, а большинство преподавателей погибло. Он лично был на похоронах почти каждого из них, а последних закапывал сам, ведь хоронить их было попросту

некому. Среди всех педагогов остался только он один — учитель химии, Серик Дамир Платонович, Туаденец казахского происхождения, собравший последний учебный класс, состоящий из семнадцати детей разного возраста: от мала до велика, но с каждым днём их становилось всё меньше и меньше, пока совсем никто не прекратил ходить на уроки.

Пустая школа неестественно пугает темнотой и лиминальностью, но Дамир уже привык к пустоте и зачем-то нередко ходит сюда просто посидеть в тишине, ведь учить уже некого, да и работал он уже несколько лет на заводе по производству боеприпасов. Его тощие руки, не привыкшие к тяжёлому труду и не державшие в своих пальцах ничего тяжелее перьевой ручки, огрубели, покрылись трудовыми мозолями, мелкими и крупными царапинами по всему предплечью. Такими руками только на станке работать, не то что красивым почерком химические формулы на доске писать.

Кабинет №52, табличка «Химия». Рука падает на холодную ручку и толкает дверь внутрь. Пустой полутёмный класс был его местом силы, где он чувствовал себя по-настоящему живым. Пару недель назад тут казалось, будто кончилась блокада, и тут он мог делать то, что умел делать лучше всего — учить детей: хоть химическим формулам, хоть определять на слух, летит бомбардировщик, дрон или разведывательный самолёт.

Холодный влажный воздух ударил ему в лицо, заставляя зажмуриться, дабы не ослепнуть. Открытое окно свистело метелью, закидывало снег внутрь, собирая немалый сугроб прямо у подоконника. Неведомым образом ветер выдавил замок наружу из оси, отчего окно распахнулось, и теперь, подобно сердцебиению массивного существа, пластиковая рама хлопает о ближайшую бетонную стену. Дамир, закрыв поток ветра в лицо рукой, начал постепенно пробираться к окну, дабы закрыть его, хватается за ручку, пытается вставить замок обратно на место, но тот не поддаётся.

— Ах, чёрт! — со злости бьёт ладонью по металлической основе, отчего та наконец встаёт в пазы. Давит на стекло, преодолевая ветер, и с щелчком проворачивает рукоять, как только ветер прекращает задувать в кабинет.

Руки медленно опускаются с окна. Тело начинает бессильно кренить в сторону, веки — опускаться.

— «Нет... нет, нельзя спать», — пронеслось у падающего на бок учителя. — «Замёрзну — не проснусь. Но, быть может, чуть-чуть...»

Но нога сама ставится в устойчивую позицию, не позволяя хозяину пасть в вечность. Руки опираются на подоконник, взгляд устремляется на улицу через узоры инея на стекле, рисующего формулы сложнее и красивее любой человеческой. Снег за ними застилает горизонт, засыпает дома, высотки и хрущёвки, усиливаясь с каждой минутой. Неудивительно, что окно выбило: здание старое, не выдерживает натиска природы, а на ремонт нет ни денег, ни средств, ни сил. Никто и не думал вкладываться в поддержание работоспособности школьного тупа, ведь сейчас его можно использовать максимум в роли склада, да и то даже так его не приведут в порядок.

Дамир отходит от стекла, выходит в центр класса, идёт к учительскому столу. Рука отодвигает рабочее кресло, тело опускается на промерзшую ткань сиденья. Хрупкая наледь хрустит под весом учителя, но отпускает мебель. Взгляд проходит по полупустому кабинету: большую часть мебели уже вынесли, пустили на костры, на стройматериалы. Лишь некоторое время назад ее перестали трогать.

Перед глазами пронёсся тот день.

13 ноября 2013 года. Зима вовсю пытается пустить свои корни, но осень еще стоит на своем посту, лишь изредка давая слабину, позволяя холодной сестре сыпать злостным снегом. Вот и в тот день был один из таких моментов: первый снег шел с неба, ознаменуя скорое приближение еще более сложных дней.

Дамир зашёл на территорию школы №67, переступая порог калитки. Худые люди в оранжевых жилетах поверх курток вовсю выносили из парадного входа мебель и предметы интерьера: парты, стулья, кресла, столы, плакаты со стен, шторы актового зала. Возле ошивались люди в форме, с закрытыми балаклавами лицами, без погон, но с зелёными повязками на правых плечах и соответствующими знаками различия, в которых он не разбирался, а на левых плечах красовались чёрно-бело-зелёные горизонтальные триколоры.

При виде данного бесчинства, расхищения храма разума и знаний, сердце забилося в ушах, скулы свело, а зубы закрипели. Учитель сорвался с места, подбежал к воякам.

— Вы чего делаете?! Кто вам позволил?! — безудержно орал Дамир.

— Мужчина, успокойтесь. Распоряжение администрации — перенести всю мебель на нужды города, — спокойно отвечал один из военных.

— А где ордер?

Погоновец закатил глаза, но все-таки сунул руку в нагрудный карман черной куртки, вытянул из него желтоватый листок бумаги и протянул учителю. Дамир быстро схватил лист, натянул очки со лба, вчитался в текст. Приказ датирован ровно сегодняшним днём, подписан и проштампован по правилам, так что не придаться.

— Но... — начал тот, но внезапно послышался грохот позади солдат. Пара работников, что тащили нелёгкий металлический стол с кухни, случайно уронила его на землю, отчего тот закрипел. — Да что же вы делаете, черти неблагородные!

Дамир хотел было дёрнуться, но его схватил военный, отдернув в сторону.

— Мужик, успокойсь!

— Ах ты ж! — на эмоциях попытался ударить спецназовца худым кулаком, но тот легко отбил атаку, перехватил автомат, ударом прикладом по рёбрам согнул Дамира пополам, а следующим — по лицу, сбил на влажную землю.

— Спокойной ночи, мудака, — послышался голос прямо перед тем, как сознание отключилось.

Дамир вернулся в реальность из воспоминаний. Пальцы непроизвольно сжались, а на душе заскребли кошки. Тогда ему повезло: могли и застрелить, но воспоминания не давали покоя. Перед глазами в пустом кабинете еще сидели фантомы последних учеников: Алина Совкова, Антон Морозов, Никита Колхин и другие. Он не мог простить себе, что потерял своих детей: кто погиб, кто ушёл и не вернулся. Быть может, когда-нибудь сюда вернётся жизнь и дети. Когда-нибудь, но не сейчас.

ДОСЬЕ 6 — ОРУЖЕЙНИК

Утренний рассвет. Солнце ещё скрывалось за восточными горами, оставляя город в синей тени, лишь пуская тонкие лучи через прорези в горах. Тёмное небо уже сменило свой окрас на голубо-белый оттенок, а всё полотно покрылось пушистыми пятнами светлых, снежных облаков, не предвещающих ни суровой метели, ни пасмурной погоды в принципе. Хвойный лес постепенно оживал, просыпался от долгого зимнего сна. Февраль кончался, постепенно отдавая свои права на владения следующему месяцу.

Снега медленно таяли под влиянием светила, но за ночь вновь охватывались уже прочной ледяной коркой. Меж стволов деревьев всё чаще можно заметить живность: то белка по коре ползет, то заяц меж деревьев проскочит, то сова пролетит. Нередки и случаи появления волков и даже медведей: голодные животные выходили «в люди», в частные сектора на окраинах города, искали добычу. Бывало, что от них страдали горожане, а истории об этом слухами расходились почти по всей «деревенской» территории.

Девушка с фамилией Соколова и именем Алёна просыпалась не слишком рано, обычно часам к десяти утра, но на сей раз что-то отличалось. Быть может, дело заключалось в довольно крупной сумме продуктовых билетов, что выступали в роли новой валюты, полученной вчера от хорошей сделки, или ещё в чем-то, но настроение сегодня было приподнятое, необычно хорошее и весёлое.

Бледные, почти белые волосы до плеч раскиданы вокруг головы на подушке. Светлые, широко поставленные голубо-серые глаза окидывали взглядом полутёмную спальню покосившегося, но всё ещё надёжного дома, построенного задолго до войны ещё её дедом. Простой интерьер: старая кровать, шкаф, прикроватная тумба, мелкая печь и старые жёлтые обои в белый цветочек, поклеенные бабушкой незадолго до смерти.

Алёна встаёт с кровати, выходит в коридор, а сразу после — и в прихожую. Воздух здесь холоднее, но ещё терпим: свитер молочного цвета с высоким воротником спасает. Рука открывает деревянную дверь и пускает морозный поток воздуха прямо в лицо, заставляя на мгновение зажмуриться. Нос улавливает утреннюю свежесть, наполняет лёгкие холодом. Тяжело вздыхает и окидывает взглядом передний двор с гнилым частоколом и приоткрытой калиткой на границе. Площадь двора покрыта заросшей высокой травой, с редкими скоплениями снега. Она спускается с крыльца, заворачивает за угол, идёт вдоль стены дома. На заднем дворе красуется кирпичный колодец квадратной формы, люк в погреб, пара мишеней в виде досок с силуэтами, изрешечёнными пулевыми отверстиями, старый пустующий сарай, где ранее разводили свиней и кур. После начала голода их забрали погоны, пустили на мясо, даже и не думая о том, что их можно было бы разводить. С того момента ни возможности, ни средств вести животное хозяйство не было, но на смену пришло сельское: летом по всему двору росли огурцы, помидоры, картофель, ягоды, заготавливавшиеся на зиму в виде солений и варений, а сохранялись под землёй, в погребе.

Девушка подходит к задней стенке дома к люку. Через ручку просунута доска, выступающая в роли засова. Пальцы ловко вытягивают деревяшку с места, с силой поднимают нелёгкие дверцы погреба. Ступени кирпичной лестницы спускаются вниз, во мрак подполья, сквозь который не пробивается солнечный свет. Ноги ступают по кирпичу, очи постепенно привыкают к вырвиглазной тьме. Пара мгновений, и вот в темноте начинают виднеться стеллажи с poste-

пенно к заканчивающимся запасами. Каждую зиму с начала голода в городе они запасались урожаем: в центр идти далеко, ведь только там и была раздача продуктов, да и то мизерная, которой еле-еле хватает на человека. Их же запасы позволяли жить сыто, хоть и приходилось скрывать это от милиции: они периодически устраивали осмотры домов на наличие переизбытка и «раскулачивали» запасы, отнимали излишки.

Ладонь на ощупь хватается банку с чем-то болотно-зеленым, бултыхающимся внутри, обхватывает обеими руками, прижимает к себе и аккуратно, дабы не споткнуться и не разбить стекло, поднимается обратно наверх, на свет. Оказалось, что прижала к себе немалую банку засоленных огурцов, которой хватит на два дня точно, если завтракать, обедать и ужинать, и на три, если экономить. Подобная пища была не в её вкусе, но выбирать не приходится, особенно из того, что осталось.

Девушка возвращается в дом, на кухню: рабочий кухонный стол вдоль всей стены, неработающий кран, такая же неработающая газовая плита и духовая печь, шкафчики. С другой стороны был обеденный стол: простая доска с ножками. В углу металлическая печка, аналогичная из спальни, с дымоходом-трубой диаметром с кулак, уходящий в стену. Отец заранее понимал, что отопление зимой быстро отключат, отчего провел собственное на дыму: несколько печей по всему дому и теплые трубы вдоль всех стен. Тепло труб грело воздух зимой, позволяя комфортно находиться в кирпичной коробке без нескольких слоев одежды.

Она подходит к столу, ставит на него банку. Хватает открывашку из столового ящика, давит в нескольких местах, прикладывает усилие, и жестяная крышка со звонким хлопком поддается. В нос ударяет не самый приятный запах рассола, но выбирать, опять же, не приходится. В руке оказывается вилка, втыкается в небольшой огурец, откусывается зубами. Во рту образуется кисло-солено-сладкий привкус от смешения всего. Мозг уже отказывается воспринимать очередной огурец, но все-таки выбирать вновь не приходится. Вслед за первым в рот отправляется и второй, но после него желудок объявляет, что на сейчас хватит: пусть он лучше слегка поголодает до обеда.

В голову приходит новая мысль. Чай может помочь обмануть разум, хоть и не накормить целиком. Конечно, настоящий чай уже давно весь кончился, еще в первые годы, и не только у них, а у всего города, но на замену пришли всяческие ромашки, ягодные заварки, а иногда даже крапива и грибы, пусть это было и совсем невкусно. Крапива в принципе стала новым хлебом для горожан: она активно растет, из нее можно делать ставшие популярными похлебки, салаты, ее добавляют в омлеты, яичницы.

Лично она предпочитала хвойный чай: вокруг города еловый лес, отчего сбор был легок. Иголки, шишки с веток или сами ветки: все шло в расход, все варилось, все пилось. Вот и сейчас она решила заварить себе чаю. Встала со стула, подошла к ящикам, начала открывать их в поисках запасов. В первом — кастрюли, во втором — всяческие пакеты, тазы и доски, в следующих — всякая мелочевка. В четвертом наконец был обнаружен нужный контейнер: на дне валялись остатки иголок, а в углу лежала шишка.

— Эх, черт... придется идти собирать.

Алена высыпает остатки на стол, берет коробку под мышку, идет к выходу. Накидывает на себя синюю отцовскую куртку, где некогда на плече красовался крупный красный крест. Из кармана достает перчатки, на голени натягивает высокие резиновые сапоги цвета оливы. Вновь

выходит на улицу, но уже не на задний двор, а за калитку. Огибает весь участок, протискиваясь между своим и соседским заборами. Участок соседа два года как брошен, но срезать напрямую через него совесть не позволяет, будто кажется, что когда-то туда вернутся люди. Хотя это вполне возможно: сосед-то не умер — переехал.

Оказавшись на задах, она окидывает взором представший перед ней лес в полтора метра от города. Всего ничего. Влажная от росы трава приятно шуршит под резиновыми подошвами, проминаясь под весом. Упругая земля приятно пружинит, редкий снег постепенно тает, пропитывая почву влагой. Периодически грунт хлюпает под ногами, скрипит о резину, но чаще просто поглощает все звуки.

Первые деревья остаются позади. Лес окутал своей тенью, раздвигая ели перед девушкой, замыкая за спиной. Пройдя буквально пять метров, она принялась хвататься перчатками за покрытые иголками ветки. Буквально несколько обломов — и объем свободного места в контейнере уменьшается вдвое, но если ощипать палочки, то иголок получится совсем мало.

Внезапно раздается гудок машины где-то со стороны домов и последующий сложно различимый восклик.

— Хозяйка! — послышался второй крик. Явно кавказский акцент, хриплый голос. Кто-то прибыл что-то купить или продать. Алена тяжело вздохнула, но все равно развернулась обратно.

Уже протискиваясь обратно, она вновь услышала восклик.

— Да успокойтесь! Иду, иду! — та вынырнула из щели. На нее уставился смуглый мужчина за тридцать, под стать своему акценту, стоящий у открытого багажника старой бежевой грязной «четверки» с символикой на капоте: буквы ДК с короной сверху — знак банды Дома культуры Первомайского района. — Зачем кричать, как оголтелые? Сейчас всех соседей поразбудите!

— А они тут есть? — он окинул взглядом пустую улицу. И вправду, кажется, будто никого нет: время приближается к половине двенадцатого, а вокруг пусто, нет шума бытовой жизни, нет идущих на работу людей.

— Вот по этому и говорю, что разбудите — спят еще все тут. Так, что вам надо?

— Мне хозяйка нужна, — он кивнул на дом, — Алена Степановна. Ты ее дочь?

— Нет, это я Алёна Степановна! — она двинула к гостю. У того от слов девушки глаза по пять копеек: явно было видно, что не юную деву он ожидал увидеть, а более взрослого, опытного профессионала.

— А... это... оружие в общем на продажу привез, сказали, тут можно продать...

— Да можно-можно, если захочу купить. Дай посмотрю, что у вас там.

Она подошла к багажнику, заглянула внутрь, не отпуская контейнер. На дне валялось несколько стволов: три Макарова, два Глока и даже старая лимонка, лежащая в углу так же, как и шишка в пустом контейнере.

— На, подержите, — она сунула в руку опешившему бандиту хвою, а сама принялась рассматривать оружие детальнее.

Пара ПМ была в норме, у третьего яво были какие-то проблемы, первый Глок — какой-то старый, весь ржавый, а последний был внешне в порядке. Рука потянулась к гранате, и тут же чека, а вслед за ней и скоба отлетают от старости. И без того широкие глаза кавказца готовы выпасть из глазниц, но реакция девушки позволяет отбросить её в сторону дороги. Взрывчатка приземляется на землю в метрах тридцати от них, и взрывом трескает и без того изрядно потрёпанный асфальт. Парочка дёргается от звенящего хлопка, но, благо, никакие осколки их не задели.

— Вы вообще с ума сошли?! За состоянием своего боезапаса следите?! — начала Алёна кричать на испуганного мужика.

— И-извините, я не знал!

— А если бы нас обоих тут сейчас ушатало?! Чтобы нас твои дружки с Первомайского по кусочкам собирали?!

Тот лишь промолчал. В этот момент девятнадцатилетняя девушка напоминала жестокого и серьёзного командира армии, а не себя саму. Она со шлепком ударила себя ладонями по лицу, вновь тяжело вздохнула.

— Ах-р, ладно, проехали, — упёрлась руками в багажник, рассматривая пистолеты на дне. — За всё это добро я дам, ну, допустим, пятьдесят пять талонов.

— Всего пятьдесят пять?!

— Бери, что дали, или вали! Ты вообще видел состояние своих пистолетов?! Мне что, теперь металлолом за миллионы покупать?

— Ладно, ладно, — буркнул тот себе под нос, скрестив руки на груди, но всё ещё держа одной рукой контейнер. — Пойдёт.

— Сейчас, одну минуту, отнесу в дом и захвачу оплату, — она взяла в охапку оружие, хвою и двинулась к открытой калитке. Заходит домой, не разуваясь, входит в спальню, бросает всё на кровать. В шкафу, на третьей полке закрытой части, оказывается сейф с паролем и магнитным замком.

— Так, семнадцать... тридцать два... девять... — она быстро тыкала на нужные кнопки, пока дверца с металлическим щелчком не вылетела с места, чуть не ударив руку хозяйки. Внутри лежало несколько стопок новой валюты — талоны, продовольственные билеты, в простонародье — жраткарты. Деньги оказались никому не нужны и отошли на второй план, а на смену им пришли эти бумажки, выдаваемые за упорную работу администрацией города. Вза-

мен на них можно получить еду. По факту, на всё нынешнее состояние девушки можно безотказно жить несколько месяцев, да только после придётся вновь копить и где-то работать.

Она взяла некоторую часть «денег», отсчитала 55 штук ровно.

— Вот, держи, — протянула она, вернувшись обратно к продавцу.

— Отлично, — сунул жраткарты в карман, садясь обратно в машину. — Ну, хорошего дня. До свидания.

Машина завелась, тронулась с места, плюясь грязью из-под колёс. Дрифтом развернулась почти на месте, чуть не зацепила забор противоположного соседа и умчалась в направлении города. Алёна проводила мужчину взглядом, пока его машина не растворилась в общей серости.

Хвою отправила на кухню, а оружие — в третью комнату, бывшую гостиную, нынешнюю мастерскую и оружейную: несколько автоматов на стойке, десяток-другой пистолетов разных видов, куча патронов, разобранное двустольное ружьё прямо на верстаке. Отец промышлял куплей-продажей оружия для всех желающих, без бумаг и проблем. Сам он был флюгером: сливал информацию врагу, а взамен их обещали вывести из города, но этого так и не произошло. Для всех он предатель, а после его бегства она осталась совсем одна в свои семнадцать лет.

На кухне внезапно оказалось, что питьевая вода кончилась, и теперь ни попить, ни чая сварить, ни даже банально умыться.

— Пу-пу-пу, проблемка... — девушка начала ходить по комнате в поисках ведра для воды.

Оттого что зимой колодец замерзает, воду добывать бывает сложно: приходится топить снег, а когда его нет — идти на реку, бить лёд. Без живительной влаги далеко не уйдёшь. Несмотря на то что на улице уже явно плюсовая температура и всё тает, стоит попытать удачу в колодце: быть может, если лёд и не рассосался, то пара тяжёлых камней с высоты может разбить его, пустив к подземному источнику.

Так она и решила поступить, но вместо того чтобы таскать булыжники, тактика была сменена на более технологичную: привязать пожарную монтировку к тросу, на котором должно висеть ведро, и бросать острым концом на лёд, поднимать и повторять до результата.

Одной рукой держит лом, другой наматывает трос на загнутый конец. Пара оборотов, два узла, проверка — нельзя дать ему утонуть, он ещё может понадобиться.

Первый бросок не дал результатов. Он лишь со звоном отскочил от льда, отколов пару мелких осколков. Подъём, бросок! Опять неудача! Поначалу послышался треск, будто лёд даёт слабину, но в темноте ничего не видно. Бросок номер три! Лёд проломан! В уши тут же ударило журчание воды, хруст льда, поток влажного воздуха в лицо. Казалось, будто артерия, забитая эмболом, наконец пробилась, прочистилась, давая путь крови жизни.

Она сменяет лом на ведро, опускает пустое и поднимает полное, тащит десять литров воды на кухню. Тонкая металлическая ручка впивается в пальцы: не малый вес давит на кожу,

поджимая сухожилия к костям. Тонкие ручки мало пригодны для тяжкого труда, но часто приходилось им заниматься. Ведро ставится на печь, идеально подходя площадью дна под площадь поверхности буржуйки. Пара брёвен внутрь, сухая бумага. В одном из шкафчиков столешницы обнаруживается спичечный коробок. Алёна проводит спичкой по черкалу, на конце возгорается небольшой огонёк, и тот тут же отправляется в печь, давая пламя сначала бумаге, а вслед поглощая огнём всё дерево. Тепло начинает разрастаться, греет металл, а вместе с ним и воду. Щеки обдувает жаром, пальцы начинает покалывать от смены температуры.

Постепенно вода начинает испускать пар, ручка нагревается, отчего снять просто так не получится — придётся использовать ткань. Когда вода достаточно нагревается, Алёна аккуратно оборачивает руки полотенцем и снимает с огня. Температура приемлема, приятна на ощупь. Набирает воды в чайник и ставит на место ведра на буржуйке, позволяя вскипятиться до конца. Другую, большую часть воды переливает в таз для питья и бытовухи, а оставшуюся оставляет для последующего мытья. Пока она лишь умывает своё худое лицо, проводит влажными руками по почти что белым волосам, полощет горло.

Чайник начинает активно свистеть, оповещая о конечном кипячении. Пар струёй под давлением вылетает из носика, заполняя пространство вокруг. Соколова хватается за чайник и снимает с огня, тут же плеща воды в свою кружку. За водой идут оборванные иголки ели, первоначально промытые под водой. Заварка медленно начинает красить воду в соответствующий цвет, показывая, что всё работает как надо.

Девушка ставит чайник на своё законное место, ведро с остывшей ручкой на пол, таз оставляет на столе. Рука захватывает кружку и утаскивает её вместе с собой в мастерскую. Ей предстоит работа над новым, вернее, новополученным оружием, а также завершить работу над ружьём, ведь уже сегодня хозяин вернётся за ним, а оно ещё не собрано обратно.

Кружка с металлическим звоном опускается на стальной верстак. Детали на столе слегка вздрагивают, покачиваются, но не двигаются с места. Рука ложится на обжигающую поверхность чашки и тут же отдёргивается.

— Пускай пока остынет... — проговорила шёпотом Алёна, приступая к сборке ружья.

Владелец этого ружья — не она, и даже не друг, а скорее просто знакомый, оценщик из ломбарда неподалёку, в самом городе, а сейчас он снова принёс его на ремонт: пружина оказалась старой, порвалась, вот и не работала. На деле он уже должен за прошлые разы, но обещал сегодня выплатить.

Ставит новую пружину, остальные детали по местам, цепляет ствол к основанию — готово. Руками переламинает ружьё, тянется к патронам, достаёт коробку подходящих, суёт два таких в ствол, захлопывает обратно.левой рукой тянется к окну прямо перед столом, открывает его, открывая прямой путь на задний двор, вид на те самые мишени. Прикладом к плечу, скулу вверх, взгляд на мушку. Ветра нет, штиль. Прекрасно. Прицеливается, задерживает дыхание для концентрации. Аккуратно давит указательным пальцем на спусковой крючок. Выстрел оглушительным хлопком раздаётся по округе! В ушах стоит неприятный звон, но быстро проходит.

Девушка опускает оружие, вглядывается в мишень, пытаясь понять, насколько точно был произведён выстрел. Острый взгляд позволяет заметить, что отклонение от центра — ничтожное, да и, скорее всего, это лишь из-за не самого прицельного выстрела.

— Отлично, отлично, — себе под нос бубнила она, ставя ружьё рядом со столом, на стену.

Рука уже тянется к кружке, как внезапно слышен стук в дверь.

— Эх... кого там ещё принесло?!

Соколова поднимается с насиженного места, выходит снова в прихожую, смотрит в глазок. На пороге стоит Леви — тот самый барахольщик, мужчина лет тридцати восьми-тридцати девяти, с щетиной на лице, короткими чёрными волосами, в чёрной куртке, с коричневой сумкой через плечо.

— Алён, открывай! — прокричал Леви из-за двери.

— Одну минуту! — ответила та, убегая обратно за ружьём.

Хватает огнестрел, возвращается в прихожую, открывает дверь, чуть не снося стоящего за ней оценщика-товароведа.

— Тихо, аккуратнее! — вскрикнул тот, уворачиваясь от летящей на него двери.

— Ой, дико извиняюсь, я не специально, — кладёт руку на грудь в знак извинения. Протягивает ружьё хозяину. — Вот, держи.

— Прекрасно, прекрасно, — он берёт своё ружьё обратно, проводя ладонью по холодному стволу. — Нормально работает?

— Только что закончила с ним и проверила — стреляет идеально.

— Ну хорошо-хорошо, — вешает ружьё на спину, — сколько там с меня?

— За починку пятнадцать, но плюс долг, и это все вроде семьдесят пять.

— Ух, многовато, — он принялся копаться в сумке, ища и отсчитывая нужную сумму.

— Ну, п-ф-ф, кто тебе виноват, что ты задолжал?

— Так... вот тебе семьдесят и ещё пять, — он протягивает стопку карточек девушке. Та принимает оплату и, не считая, убирает в карман.

— Нужно ещё что-то?

— Нет-нет, всё, спасибо, — он развернулся и пошел к выходу. — Ещё увидимся, до свидания!

— Ага, до свидания.

Рука потянулась обратно в карман, дабы пересчитать билеты. С развитой для пересчёта скоростью пальцами листает «жраткарты», перенося с одной руки на другую. Десять, двадцать, тридцать, пятьдесят, шестьдесят четыре.

— Да чёрт! Опять недосчёт! — Она выбегает за калитку, но хитрец-барахольщик уже превратился в мелкую точку, убегающую от дома. — Вот же чёрт! Ты все равно понимаешь, что я знаю, где ты работаешь! В следующий раз больше возьму!

Она крикнула ему вслед, складывая руки рупором, но тот даже не попытался остановиться. Бежать сейчас за ним бессмысленно, поэтому, опустив руки, она скрывается снова за дверью дома.

Чай совсем остыл на сквозняке от открытого окна. Пришлось ставить его вновь на огонь, уже в самой кружке, дабы нагреть. Пока чай кипятился, девушка вернулась к работе. На очереди был плановый осмотр купленного оружия, подготовка для дальнейших продаж, приведение в порядок. Надо было посмотреть состояние внутренних деталей, работоспособность, прицельность стрельбы. Опрометчиво было сразу же платить за вполне себе, возможно, неработающий товар. Логичнее было бы взять на день для проверки, а уже на следующий расплатиться или даже отказаться, но что поделать, не всегда умные мысли приходят первым делом. Придётся иметь дело с тем, что имеем.

На стол были вывалены все пять пистолетов. Осмотр было решено провести с самого старого на вид — пистолета Макарова, явно готовящегося ещё с начала восьмидесятых, быть может даже старше, каких-нибудь семидесятых. Внутри оказалось все довольно надёжно: хоть и старая, но приятная пружина, вполне себе работающий магазин, все мелкие детали целы. Прицельный выстрел так же себя хорошо показал. Несмотря на свою внешнюю старость, одного только его можно было бы легко продать за билетов этак тридцать пять, что уже больше половины потраченной суммы.

Следующие два советских пистолета так же показали себя отлично, лишь только у третьего магазин плохо работал, слабо патрон подавал, но это легко поправимо. Американский же Глок-14 был совсем раздолбан. Видно, что его активно использовали и, скорее всего, никак не обслуживали: не смазывали, не чистили, не проверяли, оттого он и пришел в негодность. Такой — только на детали, да и то лишь некоторые. Немногие целые запчасти полетели к деталям, а оставшееся — в мусорное ведро под столом.

Семнадцатый же был совсем новый, непонятно откуда полученный. Блеск его слегка матового корпуса привлекал внимание, целая внутренка привлекала разум, а идеальная точность — глаз. Тому кавказцу явно пропишут пару тумачков, если не накажут сильнее, за то, что отдал этот пистолет по такой цене. Его легко можно задвинуть за билетов шестьдесят, не меньше, и не каждый сможет себе позволить.

Идеальный пистолет отправляется на полку, и тут в голову прилетает мысль о забытом чае.

— Ох, чёрт!

Девушка выбегает из мастерской, бежит обратно на кухню. Вода почти вся выкипела, оставляя меньше половины кружки кипятка. Она хватается за ручку, но тут же дёргает руку — лёгкий ожог пальцев. Сует руку в питьевую воду, дабы остудить.

Второй попыткой берется кухонным полотенцем, снимает с огня, ставит на столешницу. Сама опускается на стул, дать время остыть, но тут же вновь поднимается и просто подливает в горячую воду холодной из чайника. Пар начинает сильнее валить из кружки, но быстро кончается. Чай приходит в норму, но вот кружка — всё ещё кипятком, держать не вариант. Все тем же полотенцем переставляет на подоконник, открывает окно для более скорого остужения и вновь садится на стул.

Очередной стук в дверь.

— Боже, это вам что, двор проходной?! — восклицает Алёна в пустоту кухни.

Дверь вновь открывается, на этот раз на пороге стоит молодой незнакомый парень в почтовой форме, вперемешку с гражданской. Через плечо — массивная сумка с торчащими из неё бумагами. Недовольное лицо Алёны меняется на удивленное. Единственный, с кем она вела редкую переписку, — отец, и последняя связь была ещё в конце ноября.

— Добрый вечер, — снял фуражку, приветствуя. — Это вы Алёна Соколова?

— Да, я. А что такое?

— Вам письмо от некоего С.С. из деревни Хоронушки, — говоря это, он стал копошиться в своих бумагах, ища нужный конверт. — А, вот и он. Держите.

Тонкие пальцы протянули запись оружейнице. Та молча приняла конверт, рассматривая надпись «Н.С.» на передней поверхности. Инициалы отца — Степан Соколов.

— Спасибо... с меня что-то требуется?

— Нет-нет, ничего не надо. До свидания, — парень практически растворился в воздухе, настолько быстро он направился обратно к дороге.

В руках конверт, в голове мысли об отце. В прошлый раз он жил на лесопилке у Горного — поселка городского типа, захваченного врагами, но сейчас, видимо, в очередной раз сменил место проживания: он об этом предупреждал в прошлом письме.

Прямо на пороге она срывает скотч с угла конверта, вытаскивает белую бумагу письма.

«Дорогая Алёна,

Вновь пишу с нового места. В прошлый раз меня чуть было не поймали, отчего пришлось залечь на дно на несколько месяцев. Извини меня, если ты писала, а я не отвечал — не было возможности. Но теперь можешь не беспокоиться, у меня все хорошо, живу теперь в Хоронушках, буду писать чаще. Я теперь работаю на ферме одного из местных жителей, Алексеем зовут, у него же и живу. Помогаю со скотом, урожаем, техникой и по дому. Его семья хорошо меня приняла, пустив к себе пожить. Работаю не за деньги, а за еду и кров, но мне хватает.

Я надеюсь, у тебя все хорошо, и ты ни в чем не нуждаешься, но если что — пиши, помогу чем смогу.

Твой отец Степан Соколов».

За чтением она и не заметила, как оказалась на кухне, а чай уже наполовину выпит. В голове проносится последний день, когда она лично видела отца, когда ему пришлось бежать.

12 апреля 2012 года.

Семнадцатилетняя Алёна занимается делами по дому, пока отец куда-то запропастился: подметает пол, протирает мебель от пыли, стирает одежду в тазу. В школу она в любом случае уже давно не ходит: нет смысла, да и не обязательно в это время.

Внезапно дверь открывается: отец натурально вбегает в дом, не снимая грязной обуви. Лицо запыхавшееся, со лба течет пот, грудь бешено поднимается и опускается в попытке отдышаться.

— Пап? Что случилось? — вопросительно спрашивает девушка, держа метлу в руках.

— Времени нет объяснять. Где мой экстренный рюкзак?!

— В шкафу в кладовой.

— Быстро сюда его! Быстро!

Адреналин забился в ушах кровью. Метла падает на пол, девушка летит к кладовой, пока отец собирает ещё какие-то вещи. Хватает сумку, возвращается к отцу, проверяющему свой пистолет.

— Так, вот как мы поступим, — говорит он. — Мне придется прямо сейчас бежать из города на неопределенное время. Меня раскрыли. Я сейчас выпрыгиваю в окно и сразу в лес. Когда нагрянут Погоны, скажи им, что я бросил тебя ещё неделю назад. Не говори, куда я пропал, не пытайся меня искать или писать, понятно? Я сам, когда остановлюсь где-нибудь, найду способ связи с тобой.

Он кладёт руки на ее плечи.

— В сейфе отложенные карты питания. Код: семнадцать, тридцать два, девять. Ясно? Семнадцать, тридцать два, девять. Там билетов на полгода вперед; скорее всего, я уже вернусь обратно, но все равно летом готовь запасы на зиму. Я знаю, ты это умеешь, за тебя беспокоиться не стоит.

Девушка непонимающе хлопает глазами, пытаясь осознать, что происходит.

— Ты меня поняла, Алёна?

— Да, пап, поняла.

— Вот и умница.

Внезапно, когда отец уже хотел обнять дочь, послышался стук в дверь.

— Открывайте, это милиция!

— Чёрт! Всё, я побежал! Помни план!

Он подбегает к открытому окну, выпрыгивает в него и бежит через задний двор, через забор, убегая дальше в хвойный лес.

Дальше были допросы, осмотры дома, ещё раз допросы, но, поняв, что девочка не то что ничего не скажет, а она толком ничего не знает о деятельности своего родителя, её оставляют в покое. Николая Соколова признали пропавшим без вести.

За ужином, сидя за столом в спальне, размышляя над прошлым, думая, что ответить на письмо, повзрослевшая девушка и не заметила, как быстро яркое, но пока ещё холодное солнце заходит за западным лесом. Тени игольчатых, вечнозелёных деревьев вытягиваются во весь город, накрывая всё своей тенью, закрывая солнце решеткой своих стволов. Алёна переворачивает письмо, берется за карандаш, придумав, что написать.

«Здравствуй, папа,

Спасибо за письмо и что обозначил новое место жительства. У меня тоже все хорошо, не беспокойся. Оружейный бизнес слегка потерял свою актуальность, но клиенты все ещё есть; вот сегодня, тринадцатого февраля, был один продавец и один покупатель, совершила очень выгодную сделку.

Надеюсь, что у тебя все хорошо, возвращайся скорее. Твоя дочь Алёна Соколова».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.